

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева
« 16 » июня 2017 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «КЛЯТВА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Выпускник

А.Д. Баранчикова

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц.
А.Н. Сперанская

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
1.1. Соотношение понятий «язык», «мышление» и «культура»	7
1.2. История изучения семантической структуры языка	10
1.3. Семантическое поле как объект исследования	17
1.4. Значение слова как членимая компонентная структура	25
1.5. Лексическая сочетаемость как экспликация имплицитных значений .	31
1.6. Диахронический аспект изучения семантического поля.....	34
ГЛАВА 2. СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «КЛЯТВА»	37
2.1. Структура значения слова <i>клятва</i>	37
2.1.1. Анализ словарных дефиниций слова <i>клятва</i>	37
2.1.2. Паремийная картина значений слова <i>клятва</i>	40
2.2. Структура значений синонимов слова <i>клятва</i>	41
2.2. Структура семантического поля <i>клятва</i>	49
2.3. Диахрония семантического поля «клятва»	52
2.3.1. XVIII век	53
2.3.2. XIX век.....	54
2.3.3. XX век	56
2.3.4. XXI век.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	63

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX века начинает расти интерес к исследованию связей языка и мышления, что отражено в работах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984], Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 1985], Э. Сепира [Сепир, 1993], Б. Л. Уорфа [Уорф, 1965], Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1985], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996] и многих других ученых. Языковая картина мира становится предметом разных исследований, ее изучают такие науки, как лингвокультурология, этнолингвистика, семиотика и семантика [Уорф, 1965; Вежбицкая, 1996; Апресян, 1985; и др.]. Один из подходов к исследованию языковой картины мира, выделенных Е.С. Яковлевой, заключается в «исследовании отдельных сторон языка: отражения языковой картины мира <...> в лексической семантике и прагматике (Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, А.Б. Пеньковский, А.Д. Шмелев)» [Яковлева, 1994: 9].

В последние годы XX века в отечественной семантике одним из основных направлений, посвященных исследованию языковой картины мира, становится описание значимых для носителей отдельной ментальности понятий, то есть семантической структуры отдельных единиц языка [Апресян, 1995]. Это позволяет выделить отличия в семантике отдельных слов и проследить историческую динамику изменения их значений.

Одна из важнейших функций языка – коммуникативная. Являясь единственным и самым распространенным средством общения, язык в первую очередь ориентирован на передачу смысла. Наиболее часто применяемым сейчас методом изучения и описания семантики языковых единиц является метод поля, к которому обращаются многие исследователи (Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев, Ю.Н. Караулов, С.Г. Шафигов и др.).

Ю.С. Маслов определяет семантическое поле следующим образом: «...множество слов, точнее – их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности» [Маслов, 1987: 30]. Изучение семантического

поля позволяет уточнить значение слова и составить более полное представление об особенностях его функционирования в языке.

Данная работа посвящена изучению семантического поля слова *клятва*. Клятва (ст.сл. клятва) происходит от глагола *клян*, *клясть*, восходящего к праславянскому *kleti, имевшему значение «проклинать» [Фасмер, 1996]. Как видно из приведенного праславянского корня, форма слова практически не изменилась.

Толковый словарь под редакцией Д.Н. Ушакова содержит следующее определение: «Клятва – торжественное утверждение, уверение, подкрепленное упоминанием чего-нибудь священного, ценного, авторитетного, присяга» [Ушаков, 1996: 1104]. В словаре С.И. Ожегова это слово объяснено практически также: «Торжественное обещание, уверение» [Ожегов, 1964: 556].

Исследование *клятвы* как отдельного речевого акта было осуществлено Н. Ш. Галлямовой в своей работе «Речевой акт «Обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты» [Галлямова, 2010].

Актуальность данного исследования объясняется вниманием современной науки к изучению семантической стороны языка, что проявляется в работах: Ю.Д. Апресяна, И.А. Стернина, С.Г. Шафикова, Л.М. Васильева, И.М. Кобозевой, В.А. Звегинцева и др. В современной отечественной лингвистике востребованы описания семантики отдельных понятий, так как это позволяет составить более точное представление об особенностях языковой картины мира и стереотипах, лежащих в основе социального поведения русского человека. Изучению семантических полей разных слов посвящены работы следующих авторов: Денисенко В. Н. 2005, Лавкова И. В. 2013, Митина Е. А. 2012, Чубур Т. А. 2012, Якимов П. А. 2011 и др. Изучению *клятвы* посвящены следующие работы: изучение *клятвы* как речевого жанра (Н. Ш. Галлямова, Т. Г. Рабенко, З. Н. Сизарева), как правового явления (М. В. Никифоров, А. В. Карабыков).

Научная новизна работы обусловлена необходимостью заполнить лауну исследования семантического поля «клятва».

Объектом данного исследования является семантическое поле слова «клятва», **предметом** – его семный состав.

Целью работы является выявление и описание структуры семантического поля «клятва» в диахронии и синхронии. В связи с этим ставятся следующие **задачи**:

1. определить место семантического поля «клятва» по отношению к другим полям семантической группы «обещание»;
2. выявить семантические признаки слова клятва;
3. проанализировать лексическую сочетаемость слова клятва в текстах XVIII-XXI вв.;
4. описать изменение значения слова клятва в диахронии на материале его лексической сочетаемости.

При работе были использованы следующие научные **методы**: анализ семного состава слова, анализ лексической сочетаемости [Кочерган, 1981], анализ диахронического аспекта семантического поля [Кезина, 2005], компонентный анализ [Сильвестрова 2004], анализ словарных дефиниций и прямой оппозитивный компонентный анализ [Стернин, 2013]. Методами получения языкового материала для семного описания значения было лингвистическое наблюдение. Активно использовались описательный метод и метод внутренней реконструкции.

Материалом для анализа стали материалы Национального корпуса русского языка без стилевой и жанровой дифференциации. Было проанализировано 2824 примера употребления слова *клятва*, объемом от словосочетания до сложного предложения.

Структура написанной выпускной квалификационной работы состоит из двух глав. В **первой главе** «Теоретическое обоснование исследования» рассматриваются история развития научной мысли в жанре исследований семантики, основные работы и понятия, используемые в работе. **Вторая**

глава «Структура семантического поля «клятва» и его классификация» посвящена подробному анализу семантического поля «клятва» на основе собранного материала.

Промежуточные результаты данной работы были **апробированы** на Международной научно-практической конференции «Молодежь и наука: Проспект свободный-2016» и XVIII Славянских чтениях – научной конференции «Закон и норма в языке и славянской культуре».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Соотношение понятий «язык», «мышление» и «культура»

То, как между собой связаны язык, культура и мышление и насколько они друг друга определяют было предметом интереса множества наук: психологии, философии, биологии, педагогики, языкознания в течение долгого времени. Исследованиями в этой области занимались такие ученые, как В. Фон Гумбольдт, А. А. Потебня и многие другие. Существуют разные взгляды на степень и глубину связи между явлениями языка, культуры и мышления. Остановимся подробнее на некоторых из них.

Родоначальником изучения данной проблемы в языкознании считается В. фон Гумбольдт. Он отмечал неразрывную связь между языком и мышлением: «язык есть орган, образующий мысль», имея в виду, что только посредством языка мысль может быть воплощена. Также представляют интерес замечания о связи между языком и культурой, духом народа «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». [Гумбольдт, 1984: 29]. Язык по Гумбольдту исходит из глубин человеческого духа и является его непрерывной деятельностью, которая стремится превратить звук в выражение мысли, только с помощью языка мысль может реализоваться в понятии. Суждения и идеи В. Фон Гумбольдта получили развитие в работах более поздних исследователей, как согласных, так и несогласных с его взглядами.

Например, его выводы переосмысливает А. А. Потебня в своей работе «Мысль и язык», посвященной обобщению существующих теорий о связи между языком и мышлением [Потебня, 1989]. Он критикует труды Беккера и Шлейхера, доказывая, что утверждение «язык есть организм» ничего не объясняет, а также подчеркивая двойственность и противоречивость

суждений В. фон Гумбольдта. Соглашаясь с ним, в том, что язык есть процесс, постоянная деятельность, А.А. Потебня считает, что отождествление языка и мышления в высшем единстве является преждевременным, так как их области не вполне совпадают (например, ребенок мыслит, но не говорит). Автор разделяет умственную деятельность и язык, сближая его с психологией и эстетическим феноменом.

В 30-х годах XX века появилась теория лингвистической относительности, известная также как гипотеза Сепира – Уорфа [Брутян, 1968]. Строгая версия гипотезы звучит следующим образом: язык определяет мышление, и, соответственно, лингвистические категории ограничивают и определяют когнитивные категории. Мягкая версия: мышление наряду с лингвистическими категориями определяет влияние традиций и некоторые виды неязыкового поведения. Эта гипотеза вызывает споры на протяжении многих десятилетий, и ее то опровергают, то вновь подтверждают, провоцируя новый виток дискуссии [Бурас, Кронгауз 2011].

Все эти точки зрения оказали влияние на формирование такой отрасли лингвистики, как лингвокультурология, которая занимается исследованием языковой картины мира и отдельных ее фрагментов, т.е. представлений о том, как речевая деятельность проявляется в языке народа. Именно на основании того, что культура находит отражение в языке, и базируются лингвокультурологические исследования концептов. Под этим термином разные исследователи понимают «ключевые слова культуры» [Вежбицкая, 2001] «единицы ментальности» [Карасик, 2002], «единицы языкового видения мира» [Арутюнова, 1999] и так далее.

Ввиду сложности объектов не существует единого обоснованного взгляда на связь между языком и мышлением, которые в разных своих аспектах и проявлениях могут как отождествляться, так и отдаляться друг от друга. Однако, большая часть лингвистов сходится во мнении, что в той или иной степени язык и мышление взаимно определяются друг другом.

Изучение связи между языком, культурой и мышлением определяет внимание современной научной мысли, в том числе к вопросу о том, каким образом означающее скрепляется с означаемым, какова структура значения. То есть, к семантической стороне языка. Изучением этих вопросов и занимается семантика.

1.2. История изучения семантической структуры языка

Семантика как отдельный раздел языкознания окончательно оформилась в конце XX века, что отражено в работах, Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 1985], Э. Сепира [Сепир, 1993], Б. Л. Уорфа [Уорф, 1965], Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1985], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996] и других ученых. Она изучает структуру значения языковых единиц, а также то, каким образом человек, владеющий языком, выражает информацию об окружающем мире, воспринимает и правильно истолковывает то, что сказано кем-либо еще. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» предлагается следующее определение семантики:

1. всё содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением);
2. раздел языкознания, изучающий это содержание, информацию;
3. один из основных разделов семиотики. [ЛЭС, 1990].

Выделяется три этапа развития лингвистической семантики.

Первый этап принято назвать психологическим или эволюционным. Опираясь на идеи В. фон Гумбольдта, свой вклад внести такие ученые, как А. А. Потебня, В. Вундт, Х. Штейнталь. Для этого этапа характерно отождествление семантики языка и психологии народа, поиск в индивидуальных психических процессах соответствий семантическим изменениям. Закономерности языкового развития в рамках данного этапа рассматривались в тесной связи с мышлением, различие и сходство в семантике разных языков объяснялось различием и сходством в психологии разных народов. Однако такое пристальное внимание к психологической стороне семантики обусловило меньший интерес к логическому обоснованию семантических закономерностей и истории, которая была отодвинута на второй план идеями об эволюции и универсальной типологии.

В XX в. этими идеями было вдохновлено представление о языковой картине мира (гипотеза Сепира-Уорфа). Теория лингвистической относительности, выдвинутая Уорфом привлекла внимание к вопросу о связи языка и мышления, сделав его предметом более пристального научного интереса [Бурас, Кронгауз, 2011].

Второй этап принято называть сравнительно-историческим. Именно в это время лингвистика выделилась в особую область языкознания, которую русские и немецкие ученые вслед за М. М. Покровским называли «семасеалогией», а французские лингвисты, вслед за М. Бреалем «семантикой». Для этого этапа характерны попытки формулирования исторических законов семантики, кроме того, в науку были введены принципы сравнительно-исторического исследования. М. М. Покровским были сформулированы следующие основные положения:

1. законы семантики выявляются не в отдельных словах, а в группах и системах слов, в «полях слов»;
2. эти группы – двух родов: объединения внутриязыковые, по «сферам представлений» (или, в современной терминологии, сигнификатные), и объединения внеязыковые, по предметным областям, например, понятия «ярмарки», «рынка», «игр и зрелищ», «мер и весов» и т. п. Внеязыковые объединения содержат конкретно-исторические объединения, связанные с социальной жизнью, внутриязыковые опираются на психологические закономерности.
3. универсальные, главным образом синтаксические, закономерности связаны с построением и преобразованием предложений (высказываний), например, переход от абстракции процесса, от глагола, к обозначению материального результата процесса, предмета: «учреждение» ‘установление’ → «учреждение» ‘общественная или государственная организация’ [ЛЭС, 1990].

В начале 20-х годов XX века семантика сблизилась с логикой и философией, появилась ориентация на синтаксис. Это ознаменовало начало

третьего этапа, который называют синтактико-семантическим или логико-семантическим. В рамках этого подхода объективный мир рассматривается как совокупность событий и фактов, и единицей семантики признается не слово, а предложение как высказывание о факте. Отмечается, что в то время как одни слова имеют конкретные связи с внеязыковой реальностью, с событиями, иные же осознаются только через их внутриязыковые преобразования. Например: «лес шумит» и «шум». Для последних главным приёмом анализа является характер взаимного расположения таких слов и выражений в предложении и в речи вообще – их дистрибуция, а также их взаимные преобразования – трансформации [Васильев, 1990].

Трансформационный метод, основные принципы которого были сформулированы в 50-х годах XX века З. Хариссом. Согласно этому подходу синтаксическая система языка может быть разделена на подсистемы, одна из которых является исходной, ядром, а остальные – ее вариантами. Ядерная подсистема – это набор простых предложений, каждое из которых описывает элементарную ситуацию. Каждое сложное предложение соединяется из простых, после применения к ним определенного набора трансформаций. Описание этих простых предложений является особой задачей – установлением семантических примитивов. В ранний период преобладало именно это стремление.

Позднее Л. Витгенштейном был выдвинут следующий тезис: «Значение не есть какой-либо объект, соотнесённый с данным словом; значение слова есть его использование в языке» [цит. по Васильеву, 1990: 18]. Этот тезис иллюстрирует метод дистрибутивного анализа, к которому обратились приблизительно в то же время американские лингвисты. Основные принципы этого анализа были сформулированы Л. Блумфилдом в 20-х гг. 20 в., а затем развиты в 30–50-х гг. в работах З. Харриса и других представителей дескриптивной лингвистики. В дистрибутивном анализе значение слова понимается как совокупное значение окружающих его во время использования в естественном языке слов. Данный метод не использует

сведения о полном лексическом и грамматическом значении слов. Этот подход был подвергнут критике, однако, в том числе и благодаря нему установился комплексный, более гармоничный подход к исследованию семантических явлений.

В конце XX века изучаются как внеязыковые связи между словом и знаком, так и внутриязыковые с использованием трансформационного и дистрибутивного анализов. В соответствии с тем, какой аспект семантики языка рассматривается как основа построения исследования в рамках этой дисциплины, в ней выделяются различные научные течения: анализ лексико-семантического варьирования (В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, Н. Н. Амосова, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев); оппозитивный (или компонентный) анализ, или анализ по семантическим множителям (Л. Ельмслев, А. Крёбер, У. Гуденаф, О. Н. Селиверстова); метод полей и тезаурусов (Р. Халлинг, В. Вартбург, Ю. Н. Караулов); дистрибутивный анализ (Р. Лангекер, В. А. Звегинцев, Ю. Д. Апресян); логически-трансформационный анализ на основе категории «лексического параметра», или функции (И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая); анализ ключевых терминов культуры (Г. Маторе, Э. Бенвенист, Ю. Сорокин, Р. А. Будагов) [Степанов, 1975].

Большое значение для развития семантики имеет интерпретирующая семантика или порождающая грамматика (Н. Хомский, Р. Джэкендофф и др.). Эта теория «утверждает, что весь спектр возможных значений конкретного предложения, порожденного синтаксическими правилами грамматики, возникает только в результате действия «правил семантической интерпретации» [ЛЭС, 1990]. По замыслу автора осмысление этой системы должно помочь установить правила, согласно которым говорящие порождают предложения.

На ранних этапах развития семантический фактор практически изымался из поля пристального внимания исследователя, хотя и делалось утверждение, что «существует поразительное соответствие между, с одной

стороны, структурами и элементами, обнаруживаемыми в формальном грамматическом анализе, и, с другой стороны, специфическими семантическими функциями» [Хомский, 1962: 6]. Позднее в эту теорию вводится семантический компонент: глубинные структуры предложений должны подвергаться содержательной интерпретации. Это позволяет получать семантически согласованные предложения, так как не все предложения, составленные согласно грамматическим правилам будут иметь смысл (например: «Мальчик пугает темноту», «Поднять шершавый вкус цвета» и т.п.) [Хомский, 1962].

Хомский отмечает, что значимую сторону предложений нужно подвергать такому же точному, формальному анализу, как и их синтаксическую структуру, и что семантика должна быть включена в качестве обязательной части в грамматический анализ языка (хотя все еще в подчиненном по отношению к синтаксису положении). Значение каждого предложения производится из глубинной структуры посредством правил семантической интерпретации, а фонетическая «интерпретация каждого предложения производится из поверхностной структуры посредством фонологических правил» [Хомский, 1962: 7].

Порождающей грамматике противостоит модель семантического описания порождающей семантики. Данный подход был сформулирован в конце 1960-х в работах Дж. Лакоффа, Дж. Маколли, Дж. Росса, П. Постала и других исследователей. В противоположность порождающей грамматике, порождающая семантика отрицает понимание синтаксиса как факта, ответственного за порождение формальной глубинной структуры, которая впоследствии наполняется семантическим содержанием. Согласно порождающей семантике порождение предложений естественного языка начинается с некой семантической структуры, которая эффективно сплавляет глубинные семантические и синтаксические структуры в единое целое [Лакофф, 1981].

В последнее время все направления исследования семантической стороны языка развиваются достаточно интенсивно, что позволяет создавать более полные описания отдельных его компонентов. Многообразие подходов к изучению значения языка и его частей показывает не только интерес исследователей к этой теме, но и многоаспектность объекта исследования.

Предметом языковой семантики являются понятия, заложенные в языковые единицы: лексемы, морфемы, грамматические и семантические конструкции. Более широко, как семантическая сторона всех уровней языка: лексики, морфологии, синтаксиса, предмет семантики стал пониматься сравнительно недавно, приблизительно с шестидесятых годов XX века [Васильев, 1990]. Несомненная связь между языком, мышлением и культурой, о разных точках зрения на природу которой говорилось выше, позволяет через семантику слов изучать ключевые для ментальности народа идеи, их функционирование и развитие [Вежбицкая, 2001]. С другой стороны, структурный подход к изучению значения позволяет решать практические задачи, лежащие в области компьютерной лингвистики: машинный перевод, генерация и понимание естественного языка, работа с поисковыми системами и базами данных [Апресян, 1995]. С. Г. Шафиков предлагает считать словозначение, а не слово главной языковой единицей. Также он отмечает, что на данном этапе большую значимость для исследователей представляет уже не типология форм и моделей функционирования языковых форм, а изучение семантики языковых форм в их взаимных структурных сочетаниях, что исследователь называет стратегической задачей современной лингвистики [Шафиков, 1999]. Л.М. Васильев также отмечает, что «поскольку главная задача современных семантических исследований – изучение значений единиц языка в их всевозможных связях, изучение состава и структуры различных семантических полей, имеющих, несмотря на все трудности их практического выделения, психологическую и лингвистическую реальность,

анализ языкового содержания методом поля является, видимо, наиболее эффективным и перспективным» [Васильев, 1990: 21].

Остановимся подробнее на названном «методе поля».

1.3. Семантическое поле как объект исследования

Метод поля считается одним из наиболее продуктивных и перспективных методов в современных исследованиях, посвященных семантике (Л. М. Босова, Л. М. Васильев, С. Г. Шафиков, Е. А. Митина, О. Е. Потапова и др.). Данный подход позволяет изучать связи между языковыми единицами, анализировать системные отношения и структуру значения. Понятие поля, первоначально принадлежащее физике, было заимствовано другими дисциплинами и получило широкое распространение в самых разных областях, где использовалось для описания изучаемых явлений. В лингвистике под полем понимается «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1998].

Понятие лексико-семантического поля как лингвистической единицы появилось в XIX веке, когда также начинает развиваться семантика и лексикография, однако на том этапе не был определен какой критерий, семантический или формальный должен был служить основой для объединения слов в семантическое поле [Шафиков, 1999]. К этому периоду относится высказывание Г. Ипсена о том, что «как в мозаике соединяется здесь слово со словом, одно вплотную к другому, так что в итоге их контуры совпадают, и все вместе они восходят к смысловому единству высшего порядка, не опускаясь до гнилых абстракций» [Ipsen G., 1986; цит. по Шафинову, 1999].

В 1890-е годы, изучая вопрос о системности лексики, о теории семантических полей М. М. Покровский писал, что лексические семантические поля следует выделять на основе следующих признаков: отнесенность к одному и тому же кругу представлений (входят в одну тематическую группу), синонимия и морфологические связи (то есть

общность морфологических показателей, например, суффиксов) [Кезина, 2010].

Также идея об исследовании лексики по семантическим (понятийным) полям в лингвистике связывается с именем Й. Трира. Исследователь опирался на соссюрианское понятие значимости, полагая, что «все получает смысл только из целого», «слово имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [Trier J. , 1969; цит. по Шафикову, 1999] и что «вне поля слово вообще не может иметь значения» [Trier J. , 1969; цит. по Шафикову, 1999: 11]. Именно поэтому предлагается учитывать все семантические связи поля [Кезина, 2010]. Й. Трир разделял лексическое поле, существующее в языке, и понятийное поле, существующее в сознании, однако отмечал их связь между собой, рассматривая их как микросистему и макросистему. Согласно Триру, планы понятийного содержания (представленные понятийным, семантическим полем) и языкового выражения (представленный словесным, лексическим полем) находятся в отношениях параллелизма. Как критерий, на основании которого можно вычленять группы слов из общего лексикона, Трир предлагал считать наличие общих значений у данной группы слов. Весь словарь был разделен на понятийные поля, центром которых являлись наиболее важные для человека понятия (любовь, дружба, ум и разум). Понятийные поля делились на лексические поля, ядром которых становились отдельные слова или «семьи слов» [Trier J. , 1969; цит. по Шафикову, 1999]. С идеями Й. Трира С. Г. Шафилов сближает понимание словесных полей Й. Л. Вайсгербером, который считал, что значение слова это его структурный компонент, а не самостоятельная единица. Оба исследователя понимали семантическое поле как парадигматическую категорию, считая, что значение слова не может быть выявлено без обращения к другим лексическим единицам, входящим в состав того же семантического поля.

Приблизительно в это же время немецкий исследователь В. Порциг предложил на основании сочетаемости слов и степени зависимости их друг

от друга выделять элементарные семантические поля и глубинные семантические структуры [Степанов, 1975].

Исследователи определяют понятие «семантическое поле» по-разному. Так, например, Г. С. Щур в работе «Теории поля в лингвистике», исследовав различные подходы к выделению полей в лингвистике, предлагает группы элементов, взаимодействие между которыми обусловлено взаимным притяжением или аттракцией частей считать полем, а иные, например, с причинной связью между элементами – системой [Щур, 1974]. Ю. С. Маслов описывает семантическое поле как «...множество слов, точнее – их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности» [Маслов, 1987: 96]. Л. М. Васильев выделяет разные существующие подходы к толкованию этого понятия: «Семантическими полями принято считать и семантические классы (группы) слов какой-либо одной части речи, и семантические классы (группы) слов разных частей речи, и лексико-грамматические (функционально-грамматические) поля...» [Васильев, 1990: 126]. Ю. Д. Апресян пишет, что «семантическое поле образуется множеством значений, имеющим хотя бы один общий семантический компонент» [Апресян, 1995: 15].

В данной работе семантическое поле понимается следующим образом: **семантическое поле** это класс (группа) значений, которые имеют как минимум один и тот же семантический компонент, связанный с одним и тем же фрагментом действительности и связаны между собой отношениями взаимного притяжения.

Все исследователи, однако, сходятся в том, что семантическое поле является системой и подчиняется общей теории систем, описанной в трудах Л. Берталанфи [Берталанфи, 1969] и И. В. Блауберга [Блауберг, 1997]. Данная теория четко определяет характерные признаки любой системы: целостность; наличие структуры; гибкость; динамичность; открытость; система классифицирует фрагмент мира; любая система – часть другой системы, а ее элемент тоже система, а также ее основные типы: неорганичная и

неорганичная. Органичная система обладает способностью непрерывно трансформироваться, имеет генетические связи, а все ее части обусловлены развитием целого. «Органичная система есть саморазвивающееся целое, которое в процессе своего индивидуального развития проходит последовательные этапы усложнения и дифференциации» [Блауберг, Юдин, 1973].

Семантическое поле, будучи системой в составе системы языка и являясь организующим элементом по отношению к системе значения отдельной единицы, также обладает всеми характерными признаками [Кезина, 2010]. Выделяются следующие структурные свойства лексико-семантических полей: взаимосвязанность, упорядоченность, иерархичность их элементов. Кроме того, лексико-семантическое поле характеризуется незамкнутостью, отсутствием четких границ, взаимодействием с другими полями, континуальностью, самостоятельностью в лексико-семантической системе, специфичностью в разных языках [Куренкова, 2006]. Эта точка зрения практически полностью совпадает с общими свойствами лексико-семантического поля, которые выделяет Митина [Митина, 2010], объединяя выводы разных исследований.

1. Взаимосвязь элементов;
2. регулярный характер связей между элементами;
3. значимость каждого элемента, зависящая от его отношения к соседним элементам;
4. принципиально общий, единый для всех языков характер семантических структур, лежащих в основе эквивалентных полей;
5. исторически обусловленное существование конкретного поля в каждом языке;
6. культурно-языковая специфика проявления семантических структур, образующих эквивалентные поля в разных языках.

С. В. Кезина отмечает также следующий важный признак, характерный для любого семантического поля – оно является самоорганизующейся

системой, и причины эволюции и развития каждого отдельного поля в языке заложены в самом поле, присущи ему [Кезина, 2010].

Кроме того, система семантического поля, характеризуется открытостью, гибкостью и динамичностью. Структура семантического поля открыта как для включения в нее новых элементов, так и для исключения старых. Подвижность поля обусловлена, в том числе, его способностью к самоорганизации, а также развитием абстрактного мышления, историческими изменениями в обществе, открытием новых признаков предметов в окружающем мире и многими другими явлениями. Гибкость семантического поля связана с нефиксированностью, подвижностью лексического значения, его способностью изменяться с течением времени. В своей работе «Основы лингвистической теории значения» М. В. Никитин пишет, что «Лексическое значение не является жестким образованием, оно легко откликается на разнообразные ассоциации, отражая их и включая в процесс коммуникации» [Никитин, 1988].

Обобщая все вышеперечисленные взгляды, перечислим характерные признаки семантического поля:

1. Взаимосвязь и взаимообусловленность элементов, упорядоченность и иерархичность этих связей.
2. Значимость каждого элемента, зависящая от его отношения к соседним элементам.
3. Принципиально общий, единый для всех языков характер семантических структур, лежащих в основе эквивалентных полей.
4. Исторически обусловленное существование конкретного поля в каждом языке.
5. Культурно-языковая специфика проявления семантических структур, образующих эквивалентные поля в разных языках.
6. Поле это самоорганизующаяся система.
7. Динамичность, гибкость, открытость, подвижность семантического поля и его компонентов.

8. Континуальность.
9. Самостоятельность в лексико-семантической системе.
10. Семантическое поле есть система в составе системы языка и взаимодействующая с другими его уровнями.

Системы различаются органичностью и неорганичностью. Применяя данный критерий к семантическим полям, С. В. Кезина различает синхроническое семантическое поле как неорганичную систему, а диахроническое семантическое поле как органичную [Кезина, 2010].

По содержанию можно выделить семантические поля, включающие в себя слова одной части речи, и семантические поля, включающие разные части речи. Многие авторы отмечают, что в состав семантического поля должны входить слова, объединенные в первую очередь по сходству содержания, а не по грамматическим признакам (А. В. Набирухина, Т. Н. Куренкова, Ю. Н. Караулов).

К одним из наиболее часто встречающихся точек зрения на структуру семантических полей относится выделение ядра, центра (приядерной зоны) и периферии. Ядром, или именем поля считается единица, выражающая архисему, общее значение данного поля. Языковые единицы, находящиеся в центре имеют меньше дифференциальных семантических признаков. Наконец, периферию образуют единицы, которые обладающие наиболее сложным или специализированным содержанием и за счет этого взаимодействующие с членами других семантических полей [Митина, 2010]. Одно и то же слово может одновременно входить в различные семантические поля, единицы в которых отличаются друг от друга по каким-то определенным признакам. Кроме того, единицы, обладающие специализированным значением и разным семным составом могут объединяться в группы и подгруппы внутри семантического поля, которые также называют микрополями. Подобную структурную и иерархическую организацию значения слова Е. А. Митина называет еще одним свидетельством в пользу полевой организации системы языка [Там же], а

З. Д. Попова называет поле «реальной языковой подсистемой» [Попова, 1984].

Лексико-семантические поля могут выделяться на разных уровнях значения, о чем говорит Ю. С. Степанов [Степанов, 1964].

1. Компонент значения и значение как множество компонентов.
2. Значение как отношение к денотату и десигнату и классам денотатов и десигнатов.
3. Множества значений и их соотношения в поле.
4. Соотношение полей друг с другом и классы полей.
5. Соотношение классов полей, то есть членение словарного состава.

Данная работа посвящена исследованию семантического поля слова клятва первого уровня. Также будет затронуто поле слова клятва третьего уровня, в рамках рассмотрения соотношения слова клятва с его синонимами.

Кроме того, С. В. Кезина вводит понятия полей «полного» и «неполного» типа. «Полным» полем исследователь называет описание семантического поля целиком, а под «неполным» описание любого фрагмента семантического поля, а также «результат взаимодействия какого-то ряда слов, принадлежащих к синхроническим срезам разных этимолого-словообразовательных гнезд» [Кезина, 2010: 9].

Также предлагается различать семантические поля синхронического и диахронического типов, то есть поля, содержаниями которых является протяженность значения в языке (или языках) в определенный период или поля, содержанием которых является историческая протяженность значения [Там же].

Предметом данного исследования являются неполные поля синхронического и диахронического типов. В анализе исторического развития мы ограничиваемся рассмотрением лексической сочетаемости слова клятва. В современном состоянии семантического поля клятва нас интересует в первую очередь соотношение данного поля со смежными полями, отобранными по принципу синонимии.

Структура отдельного компонента в составе семантического поля, то есть слова, является неотъемлемой частью поля. С. В. Кезина предлагает под семантической структурой слова (структурой значения) понимать «отрезок (фрагмент) семантической структуры поля диахронического типа, исторически созданный, тщательно отобранный языком для данного хронологического периода, представляющий собой совокупность эксплицитно выраженных сем» [Кезина, 2010: 9].

Полевой метод исследования и понятие семантического поля получили большое распространение и являются сейчас одними из наиболее эффективных способов исследования структуры языкового значения. Теория поля дополняется и уточняется, например, она позволяет разделить словарный состав на упорядоченные по отношению друг к другу группы и структурировать значение слов для его машинной обработки [Апресян, 1995]. Т. Н. Куренкова называет лексико-семантические поля «наиболее адекватным способом членения словарного состава, открывающим широкие возможности для исследования лексики любого языка» [Куренкова, 2006: 177].

1.4. Значение слова как членимая компонентная структура

Понимание значения слова как членимой компонентной структуры появилось в семантике, куда было привнесено из фонологии и грамматики в 40-х – 50-х годах [Апресян, 1995]. В первую очередь компонентному анализу семантики были подвергнуты термины родства, названия животных и подобные замкнутые системы. В 60-х годах понимание значения слова как совокупности дифференциальных признаков было дополнено концепцией интегральных признаков. Под дифференциальным признаком понимается такой компонент значения слова, содержание которого составляет информация о дифференцирующем свойстве, представленном в двух вариантах, каждый из которых входит в разные означаемые. Интегральным же признаком называется компонент значения, который является общим по меньшей мере для двух языковых единиц и принадлежит к более высокому иерархическому уровню по сравнению с компонентами значения, по которым эти единицы различаются между собой. Таким образом, согласно концепции интегральных признаков, значение слова состоит не только из компонентов, отличающих его от других слов из своего семантического поля, но и из компонентов, объединяющих его с другими словами. При этом дифференциальные компоненты встречаются чаще, чем интегральные, их объединяющие [Сильвестрова, 2004].

Кроме интегральных и дифференциальных компонентов Д. Н. Шмелев выделяет в составе значения ассоциативные признаки. Он обосновывает необходимость в ряде случаев рассматривать их, так как они часто служат основой для метафорических переносов и тоже являются важной частью значения слова [Шмелев, 1973].

С. Г. Шафиков, использует термин «комбинаторная семантика» и отмечает, что структурное значение слова подвергнуто так называемому «комбинаторному эффекту», который, вслед за Маковским, он описывает следующим образом. «Разложение языковой единицы не дает тех исходных

компонентов, слияние которых ее образует, а механическое слияние исходных компонентов никогда не образует данной языковой единицы» [Шафиков, 1999: 25].

Исследование единиц, составляющих значение, слова является одним из основных способов выделения и описания семантических полей. Однако в работах разных исследователей, обращающихся к этому подходу, используются разные термины, называющие собственно компоненты значения. Встречаются следующие понятия: элементы значения, компоненты значения, структурные компоненты, дифференциальные признаки, семантические признаки, аллосемы, семантические множители, семы и другие. По большому счету, все эти термины являются синонимами [Апресян, 1995].

В данной работе для названия единиц, на которые расчленяется значение, мы используем понятие **сема**, которое представляется наиболее ёмким. В Лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение данного понятия: «минимальная, предельная единица плана содержания, представляющая собой элементарное отражение в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности» [ЛЭС, 1990: 437].

С. Г. Шафиков называет языковое значение, в составе которого реализуются семы семемой [Шафиков, 1999]. Семема является синтезом лексических, словообразовательных, грамматических сем, которые и определяют его связь с неязыковым значением и системную значимость [Васильев, 1990]. И сема и семема принципиально неатомарны, однако в случае необходимости каждая сема может быть разложена на предельные элементы (темнота – отсутствие света; говорить – производить речь и т.п.). Поэтому С. Г. Шафиков предлагает различать предельную, то есть элементарную сему, и сему «семантический множитель», то есть сочетание предельных сем, образующие составляющие семемы и представленные регулярно воспроизводимой лексемой. Однако в отличие от семемы

предельная сема недискретна (то есть непрерывна, не может быть разложена на отдельные значения) и несоциальна (то есть не имеет денотата и не реализуется как часть человеческого общества) [Шафиков, 1999].

Как уже говорилось выше, одно из основных свойств любой структуры – иерархичность, это верно и для структуры семантического поля, что позволяет различать в его составе элементы разных уровней. Например, Н. И. Толстой выделяет опорные (конкретные и немаркированные) и сопутствующие (абстрактные и маркированные) семы, которые и являются основанием для дифференциации понятий [Толстой, 1968]. В. Г. Гак же основой для различения значений считает родовую объединяющую сему или архисему, которая отображает категориальные свойства единиц, принадлежащих к одному классу, а дополнительными – дифференциальные семы видового значения, определяющие различия единиц семантического поля [Гак, 1971].

Так же, как и семемы, семы, находящиеся внутри одного семантического поля, могут вступать в разные отношения и образовывать разные типы связей, однако разнообразие таких связей ограничено. Это подтверждается постулатом простоты Г. Гийома: «Основополагающие операции, на которые опирается структура языка, не слишком многочисленны и отнюдь не разнообразны, не обладают излишней сложностью, а, наоборот, малочисленны и в основном минимально вариативны, отличаясь поразительной однородностью» [Гийом, 1992].

Ю. Н. Караулов использует термин «множество», синонимичный понятию семантическое поле, и выделяет следующие типы оппозиций (связей) между лексико-семантическими группами, входящими в его состав [Караулов, 1972]:

1. **Нулевая оппозиция**, или отношение равенства между семантическими полями. В такой оппозиции основные семы сравниваемых слов равны. Схематически исследователь описывает эту оппозицию как две наложенных друг на друга окружности, которые совпадают в своих

границах. Это отношения синонимии, в которых у синонимов одинакова большая часть семного состава, однако различаются оттенки значения.

2. **Приватная оппозиция**, или отношения строгого включения. В такой оппозиции находятся родовые и видовые отношения, схематически окружность меньшего размера вписана в окружность большего размера. Такие отношения могут быть двух видов в зависимости от исследуемого поля: или поле имеет внутри деление на виды, или само является частью более крупного значения.
3. **Эквивалентная оппозиция**, в которой два поля пересекаются друг с другом. На схеме были бы изображены две пересекающиеся окружности. Их пересечение составляет общую часть семантических полей, однако и та и другая группа имеет в своем составе несовпадающие семы. В отличие от первых двух оппозиций, эквивалентная оппозиция может существовать не только между словами, принадлежащими к одной части речи.
4. **Дизъюнктивная оппозиция**, это оппозиция, в которой у семантических полей нет общих элементов. Схематическое изображение будет представлено как две не соприкасающиеся окружности. Такие отношения могут существовать как между словами одной части речи, так и между словами разных частей речи.

Ю. Н. Караулов доказывает, что отношения между семантическими полями сводятся к оппозициям этих четырех типов. Что же касается оппозиций между семами, они могут быть только нулевыми или дизъюнктивными, так как минимальная, далее нечленимая единица значения может лишь совпадать или нет с другими элементами. Как частных случай таких отношений исследователь выделяет контрастные семы, отрицающие друг друга. Такие отношения он предлагает называть **антонимичной оппозицией** и выделяет их в составе дизъюнктивных отношений. Он отмечает, что антонимичная оппозиция шире понятия антонимии, так как

включает не только противопоставленные друг другу понятия, но взаимоисключающие элементы, виды, входящие в состав одного родового поля. Ю. Н. Караулов приводит семы «рука» и «нога» как пример – не являясь антонимами, они, однако, не могут находиться в пределах семантического поля одного слова. Родовое имя поля «часть тела» в данном случае задает границы, в которых сравниваются семы. Таким образом, антонимы в составе семантического поля, как и лексические антонимы, предполагают не только взаимное отрицание, но и наличие чего-то общего, на основании чего их можно сравнивать. В поле этим общим выступает родовое имя поля.

На основе выделенных оппозиций Ю. Н. Караулов выстраивает следующую модель семантического поля. В центре находится ядро, являющееся также родовым именем поля и содержащее в себе видовое имя. Периферию составляют слова, примыкающие к ядру и имеющие с ним общие компоненты. Отдельно в периферии выделяется антоним или группа антонимов по отношению к имени поля. Исследователь заключает, что семантическое поле имеет подобным образом организованную структуру вне зависимости от материала, на котором оно выделяется.

Сходные мысли об отношениях, в которые вступают компоненты семантического поля выражает С. В. Кезина, описывая модули, которые «репрезентируют семасиологические закономерности, действующие в семантическом поле и являющиеся их проявлением» [Кезина, 2010: 10]. Бинарный модуль (это не есть то, противопоставление), концептуальный (эти понятия сходны, синкретичность), а также классификационный модуль, метафорический модуль и метонимический модуль, расширяющие семантический объем слова.

В настоящее время существует множество исследований, использующих компонентный анализ для описания структуры семантического поля [Потапова, 2012]. В. А. Звегинцев отмечает, что этот анализ «является выражением дискретности, одного из основных принципов

современной науки» [Звегинцев, 1973: 30]. О. В. Корнилов выделяет три принципа компонентной семантики «описание значений словарного состава естественных языков через посредство конечного набора элементарных семантических единиц или компонентов, представление этих семантических компонентов как независимых от конкретных языков универсальных репрезентаций и интерпретация их в качестве компонентов концептуальной системы, входящей в познавательную структуру человеческого ума» [Корнилов, 1999]. Л. М. Васильев называет компонентный анализ «одним из важнейших инструментов, с помощью которого мы можем проникать в тайны внутренней организации языка как системы, в частности в тайны структурной организации семантической системы языка» [Литвинова, Царев, Карпова, 2015: 96].

В данной работе вслед за О. Н. Сильвестровой **компонентный анализ** понимается как процедура разделения значения на составные части, выделение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения, так и соотношением со значениями других языковых единиц [Сильвестрова, 2004].

1.5. Лексическая сочетаемость как экспликация имплицитных значений

Одной из главных проблем компонентного анализа слова является сложность определения дифференциальных сем [Шафииков, 1999]. Анализ лексической сочетаемости позволяет выявить имплицитные признаки значения слова, актуализирующиеся в речи в сочетаниях с другими словами.

Анализ лексической сочетаемости позволяет вывести максимально большое количество значений из имплицитного в эксплицитное состояние. Под имплицитным состоянием значения понимается «то, что нам неизвестно, но имеет место в каких-то источниках данного языка или в других языках», под эксплицитным «то, что нам известно». Существование двух состояний значения обосновывается в работах А. А. Брудного, В. А. Гака, В. Бланара, а также иллюстрируется языковым материалом, в котором одновременно может выражаться один признак значения или несколько, но никак не все [Кезина, 2010]. Признание существования имплицитного значения определяет новый подход к пониманию структуры значения. С. В. Кезина называет «перевод» имплицитного состояния значения в эксплицитное, стремлением «свести к минимуму различия между эксплицитным и имплицитным значениями» [Кезина, 2010: 18] в числе важных задач семантического исследования.

По мнению Д. Н. Шмелева синтаксическая сочетаемость определяется лексико-грамматической характеристикой, а лексическая его индивидуальным значением [Шмелев, 2002]. Значение слова есть в первую очередь то, что отличает его от других слов [Васильев, 1990]. А. А. Уфимцева отмечает, что «лексическая сочетаемость является ... непременным системным условием манифестации лексического значения конкретных единиц» [Уфимцева, 1961: 9]. В числе факторов, позволяющих

говорящему определять границы варьирования лексического значения слова, называются следующие.

1. Вещественное значение слова.
2. Лексическая сочетаемость.
3. Семантическая сочетаемость.
4. Парадигматические отношения слов, их системная противопоставленность (антонимия, синонимия, гиперогипонимические структуры слов, словообразовательные и лексико-семантические парадигмы слов);
5. Форма словесного знака, то есть различные словоформы, ограничивающие или реализующие данную семантическую значимость слова.

Кроме того, исследователь отмечает, что анализ лексической сочетаемости может служить инструментом для разграничения значений в многозначных словах.

М. П. Кочерган в своих работах по типологическому исследованию лексической семантики предлагал решать проблему неопределенности семантических критериев, на основе которых могут быть выделены семантические поля и компоненты значения следующим образом. «Если принять за исходную единицу сопоставительного анализа значение слова, так как именно оно является основной единицей семантического уровня, то сопоставление может только исказить действительную картину анализируемых систем. Специфику лексико-семантической системы можно объективировать путем сопоставления сочетаемости слов по отдельным лексико-семантическим полям. Лексическая сочетаемость вскрывает только те семантические нюансы, которые ускользают при других способах семантического анализа» [Кочерган, 1981: 44].

Говоря о факторах, обуславливающих лексическую сочетаемость слова, И. А. Стернин отмечает, что «сочетаемость конкретной семемы обусловлена не отдельными семами, входящими в ее структуру, а семантическими признаками, имеющимися в семеме» [Стернин, 1985: 40].

Например, семантический признак «размер» сочетается со словами «большой, малый» и так далее. Во время использования слова в речи в каждом конкретном случае актуализируются не все его семантические признаки, а только те, которые актуальны для данной речевой ситуации. Именно существованием таких признаков можно объяснить специфику сочетаемости слов [Стернин, 1985].

Данный подход можно сопоставить с гипотезой В. А. Успенского, которую он выдвигает в своей статье «О вещных коннотациях абстрактных существительных». Исследователь предполагает, что некоторые абстрактные существительные, не имеющие денотата, связываются в сознании человека с неким образом вещи. Именно этот образ определяет специфику лексической сочетаемости, выражающуюся в словосочетаниях, которые В.А. Успенский предлагает называть «метафорическими». Эти словосочетания таковы, как если бы абстрактное существительное обозначало материальный предмет. Таким образом, анализируя лексическую сочетаемость можно выявить признаки вещи, с которой связано в сознании человека данное существительное и описать его вещную коннотацию. В. А. Успенский выдвигает гипотезу, что это явление достаточно распространено и вещные коннотации абстрактных существительных могут рассматриваться как способ выявления особенностей характеристик лексической сочетаемости [Успенский, 1997].

Таким образом, при изучении семантического поля слова изучение лексической сочетаемости позволяет исследовать особенности значения слова, выявив условия его функционирования в качестве ментальной единицы и части языковой картины мира.

1.6. Диахронический аспект изучения семантического поля

Использование анализа лексической сочетаемости является в первую очередь способом, направленным на расширение семантического значения слова и увеличение количества сем в его составе с целью составить наиболее полное описание значения семемы.

Еще одним из методов расширения семантического поля языковой единицы является проведение анализа данного поля с точки зрения диахронии, который обосновывается в работах С. В. Кезиной [Кезина 2005; 2010]. Она обосновывает положение, согласно которому с развитием семантического поля значение слова усложняется, и в его составе появляются новые семы, выявляемые за счет вступления в различные отношения с единицами других полей. В первую очередь это отношения дифференциации и сравнения. Это согласуется с мнением, что только в сопоставлении с другими лексемами выявляется значение слова. Включение новой семы в состав семантического поля происходит параллельно с накоплением опыта и развитием знаний о мире, формированию понимания предметов как комплексных единиц, вступающих между собой в разные отношения. Именно это последовательное накопление знаний и обуславливает актуальность изучения семантического поля в развитии, то есть в диахроническом аспекте [Кезина, 2010].

Изучение диахронического аспекта семантического поля позволяет проследить эволюцию значения, что даёт возможность определить закономерности развития слова [Кезина, 2005]. Под семантическим полем диахронического типа исследователь понимает «класс слов, объединенных генетическими, словообразовательными, однородными или разнородными семантическими связями и покрывающие собой определенную область человеческого опыта» [Кезина, 2010: 4].

С. В. Кезина на материале цветообозначений доказывает существование семантического архетипа, изначального значения, которое с течением времени усложнялось и дробилось, дополняясь разными семами. Исследователь называет эту единицу исторической синкретой, которая «отражает ментальные процессы, участвующие в превращении опыта взаимодействия с реальным миром в знания, а также собственно языковые процессы, осуществляющие номинацию реалий и структурирующие полученные знания в семантике эволюционирующего слова» [Кезина, 2010: 33].

Процесс усложнения происходит по определенным моделям, общим для разных семантических полей и разных языков. Эти модели имеют определенную хронологическую последовательность и определенную сочетаемость с другими моделями. Однако на данном этапе научного знания не существует единой модели развития значения, которая учитывала бы все закономерности и включала в себя все отдельные процессы. С. В. Кезина представляет элементарную модель развертывания семантической структуры следующим образом (см. рисунок 1 на стр. 36):

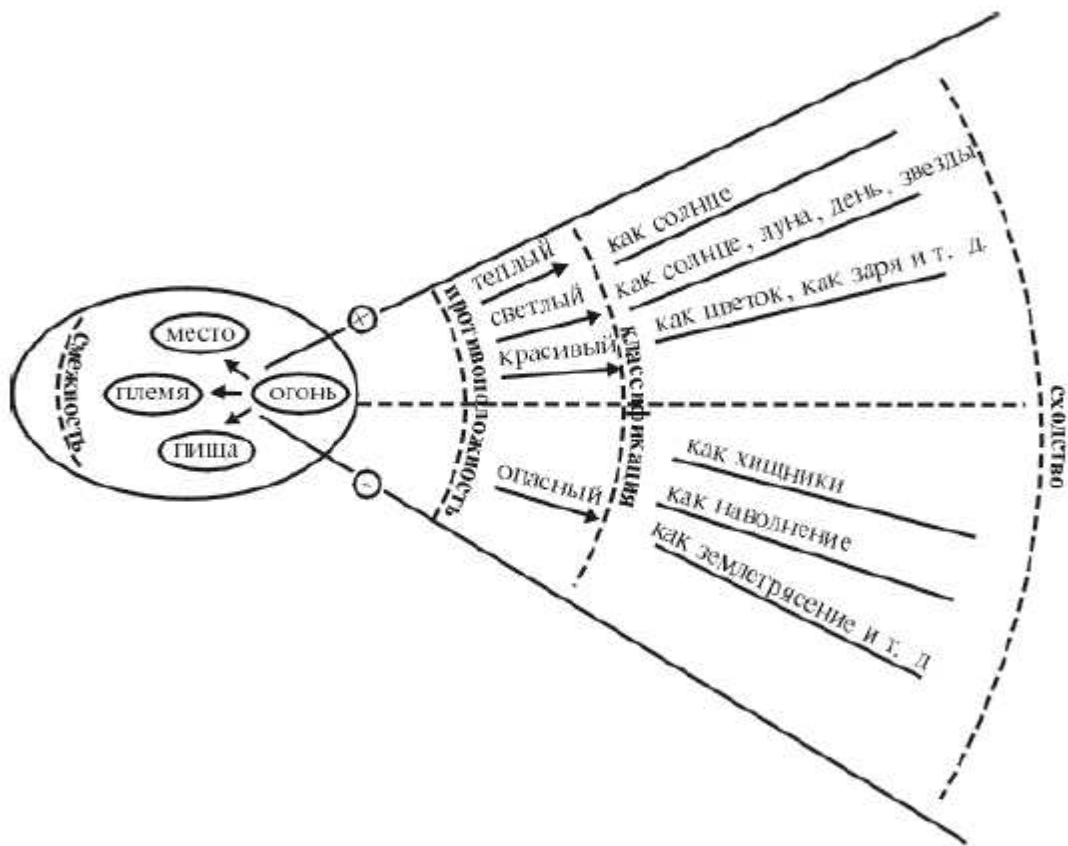

Рисунок 1. Из работы «Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект)» С.В. Кезиной.

На рисунке видно, что семантическое значение постоянно расширяется, сохраняя все включенные в него семы в «семантическом генофонде». Архисема же является синкретичной, но при этом не многозначной, а скорее потенциально содержащей возможность дифференциации [Там же].

ГЛАВА 2. СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

«КЛЯТВА»

2.1. Структура значения слова *клятва*

2.1.1. Анализ словарных дефиниций слова *клятва*

Обращение к словарям, как к источнику выявления семантических компонентов слова, теоретически обосновывается в работах И.В. Арнольда, Ю.В. Карауловой, В.В. Левицкого и других ученых [Стернин, 2013]. Данный метод подразумевает, что в словарных определениях заключены уже выделенные семы, которые позже используются для компонентного анализа [Архипова, 2013]. Так как в словарях приводятся в первую очередь ядерные семы и часто опускаются периферийные, данный метод не помогает выделить в первую очередь ядерные семы, опуская периферийные и ассоциативные. Анализ словарных дефиниций проведен согласно его описанию, данному у И.А. Стернина [Стернин, 2013].

После изучения дефиниций слова *клятва* в толковых словарях представляется возможным составить следующий список определений:

1. «кля́тва ж. божба, рота, ротьба; присяга; заклинанье; | проклятие; | обет, зарок. Церковная клятва, отлученье от церкви. » [Даль, 2004].
2. «Торжественное утверждение, уверение, подкрепленное упоминанием чего-нибудь священного, ценного, авторитетного» [Ушаков, 1996].
3. «Торжественное утверждение, уверение» [Ожегов, 1964].
4. «I ж. Торжественное обещание, уверение, иногда подкрепляемое упоминанием чего-либо священного, дорогого для того, кто обещает что-либо или уверяет в чём-либо» [Ефремова, 2000].
5. «II ж. устар. 1. Проклятие. 2. Временное отлучение от церкви, сопровождаемое обрядом проклятия» [Ефремова, 2000].

6. «1. Клятва – это серьёзное, часто торжественное обещание сделать что-либо или, наоборот, не делать чего-либо» [Дмитриев, 2003].
7. «Торжественное уверение в чём-л., обещание, подкреплённое упоминанием чего-л. священного для того, кто уверяет, обещает» [Большой толковый словарь русского языка, 2014]

Опираясь на эти словарные статьи, можно сформулировать следующую дефиницию, обобщающую все значения и учитывающую все семантические компоненты:

Клятва – 1. это серьёзное, торжественное утверждение, уверение, обещание сделать некое действие или не делать его, иногда подкреплённое упоминанием чего-либо священного, ценного, авторитетного, дорогого для лица, которое обещает или уверяет в чём-либо.

Далее выпишем примеры употребления, опираясь на которые можно сделать предположение о лексической сочетаемости слова *клятва* в первом значении.

Дать клятву кому-нибудь. Клятва в верности или верности. Взять клятву с кого-нибудь. Разрешить кого-нибудь от клятвы. Преступить клятву. «Клятву верности сдержали» Лермонтов. Я поклялся никогда не примиряться (с крепостным правом). «Это была моя Аннибаловская клятва, и не я один дал ее себе тогда» А.Тургенев. Дать, нарушить клятву. Клятва Гиппократа. Сдержать клятву. Жених и невесты произносят слова клятвы у алтаря. Он собирался дать клятву верности. Я дала клятву молчать. Я дал себе клятву никогда не огорчать её. Клятьбой да ротьбой в веру не вотрешься.

Примеры употребления взяты из словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой и Большого толкового словаря русского языка. Повторяющиеся примеры не дублируются.

Клятва – 2. устар. Проклятие, церковная клятва, временное отлучение от церкви, сопровождаемое обрядом проклятия.

Ниже приведены примеры употребления слова *клятва* во втором значении.

Где клятва, тут и преступленье. Отобравший клятву, отпускает. Невольная (нуженая) клятва отпускается. Клятва умному страшна, а глупому смешна. Отводная клятва, облыжная, с задней думкой, с отводом от себя.

Примеры употребления выписаны из тех же словарей, повторяющиеся примеры не дублируются.

Чтобы составить представление об изначальном образе слова *клятва*, рассмотрим словарные этимологические статьи, посвященные ему:

1. «Клятва кля́тва ст.-слав. кля́тва катáра, áра (Супр.), болг. клéтва, сербохорв. клéтва "проклятие", др.-чеш. klatva, kletva "проклятие, отлучение от церкви", польск. kłatwa. От клянú, клясть» [Фасмер, 1986].

2. «Клятва. Старославянское – клятва. Слово сформировалось на базе общеславянского корня kleti – «клянó, проклинать». Первоначально слово имело значение «проклинать себя», позднее изменившееся на «клясться». Некоторые исследователи отмечают связь слова с корнем «клонить», объясняя это тем, что раньше было принято отдавать поклон при клятве. Родственными являются: Болгарское – клетва. Польское – klatwa. Чешское – klatva, kletva. Производные: клятвенный, клясться, клянущийся, заклятый» [Этимологический словарь русского языка, 2003].

3. «КЛЯТВА. Общеслав. Суф. производное от *kleti "присягать, давать клятву". См. клясть, заклинать» [Шанский, 2004].

Итак, опираясь на проанализированные словарные дефиниции, можно сделать следующие выводы. *Клятва* имеет два значения, одно из которых (проклятье) устарело, а второе (торжественное обещание, уверение) отмечено в толковых словарях как актуальное. Это подтверждается тем, что больше примеров употребления приводится для *клятвы* в первом значении, а также

словарными пометами. Согласно этимологическим словарям, слово *клятва* является отглагольным существительным, образованным от глагола *клясть*. Представляется, что полные синонимы слова *клятва* отсутствуют.

2.1.2. Паремийная картина значений слова *клятва*

Паремии, или пословицы и поговорки являются устойчивыми фразеологическими единицами, отражающими народную картину мира.

В словаре В.И. Даля слово *клятва* и его однокоренные вынесены в раздел «Божба – Клятва – Порука» и встречаются в следующих паремиях [Даль, 2004]:

Где клятва, тут и преступление. Ирод клянется, Иуда лобзает, да им веры неймут! Клятва умному страшна, а глупому смешна. Горе клянущемуся, а вдвое на грех (на клятву) ведущему. Не клянись, матка, не рожать дитятка (родишь поневоле). Невольная (Нуженая) клятва отпускается. Отобравший клятву и отпускает ее. Кому клялся, тому и прощаюсь. Поневоле старуха клянется, коли врет. Чего, уж чрез детей божится, весь дом заклял.

Видно, что в народной картине мира клятва является грехом («горе клянущемуся») и чаще всего маркирует ложь («где клятва, тут и преступлень»). Одновременно с этим, клятва является серьезным действием, она должна даваться добровольно («невольная клятва отпускается»), отпустить ее может лишь тот, кто взял клятву («кому клялся, тому и прощаюсь») и клясться стоит лишь в том, в чем ты можешь быть точно уверен («не клянись матка не рожать дитятка»).

2.2. Структура значений синонимов слова *клятва*

Для выявления семантического поля «клятва» использовался метод прямого оппозитивного компонентного анализа [Стернин, 2013]. Этот анализ позволяет рассмотреть слово *клятва* в соотношении с его синонимами: *обещание, зарок, божба, обет, присяга, слово* (в значении «обещание, уверение» [Ушаков, 1996]). Рассмотрим словарные дефиниции синонимов, чтобы на их основе выделить семы слов данного лексического поля. Все семы приведены на с. 43-43.

Курсивом выделены повторяющиеся компоненты значения слова, отмеченные в разных определениях и сочетаемости.

Обещание

1. «*Данное кому-нибудь добровольное обязательство* (курсив наш – А.Д.) что-нибудь выполнить» [Ушаков, 1996].
2. «*Добровольное обязательство* сделать что-нибудь» [Ожегов, 1964].
3. «*Данное кому-либо добровольное обязательство* сделать, выполнить что-либо» [Ефремова, 2000].
4. «*гарантия, зарок, клятва, обязательство, порука, поручительство, присяга, ручательство, слово, высок. обет, разг. посул*» [Словарь-тезаурус синонимов русской речи, 2007].

Примеры употребления слова *обещание*. Жирным выделены глаголы, которые сочетаются и с другими синонимами.

Выполнить обещание. Дать обещание. Исполнить обещание. Сдержатъ обещание. Нарушитъ обещание. Дать торжественное обещание. Взять обещание с кого-нибудь. Раз в год по обещанию (очень редко; разг. шутл.). Кормить обещаниями (давать безответственные обещания; разг.). «"Мне не нужно клятвы", сказала Лиза: "довольно одного твоего обещания"» Пушкин.

Использованы словари Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой, словарь Глагольной сочетаемости предметных имен [Бирюк, 2008].

Опираясь на данный анализ, можем выделить следующие семы слова *обещание*: добровольное обязательство, данное кому-либо, гарантия.

Зарок

1. «то, в чем кто зарекается или наложил на что запрет; условия, на каких что-либо заречено; завет, обет, *обещание*» [Даль, 2004].
2. «1. Клятвенное *обещание* не делать чего-нибудь» [Ушаков, 1996].
3. «2. *Заклятье*, заговор (обл.)» [Ушаков, 1996].
4. «Клятвенное *обещание* не делать чего-нибудь» [Ожегов, 1964].
5. «Клятвенное *обещание* не делать чего-либо; *заклятие*» [Ефремова, 2000].
6. «См. клятва, *обещание*» [Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений, 1999].

Примеры употребления слова *зарок*:

Дать зарок. Взять зарок с кого-нибудь. Наложить зарок. Кладу зарок на тебя. Худа не делай, а зароку не давай. Клад кладется с зароком, а зароку кладется на него, примером, три головы молодецкие. Он зароки знает, заговоры. Дать зарок не курить. Взять с кого-нибудь зарок не пить вина.

Были использованы словари В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой.

Опираясь на данный анализ, можем выделить следующие семы слова *зарок*: обещание, клятвенное обещание не делать, заклятие.

Божба

1. «Действие по гл. божиться. БОЖИТЬСЯ, божусь, божишься, несовер. (к побожиться). *Клясться именем бога, говорить "ей-богу"*» [Ушаков, 1996].

2. «Клятвенно уверять [первонач. клясться, произнося «ей-богу»]» [Ожегов, 1964].
3. «Клятва именем Бога» [Ефремова, 2000].
4. «крестное целование, клятва» [Словарь-тезаурус синонимов русской речи, 2007].

Примеры употребления слова *божба*

Божится, что ничего не видел. Слова без божбы не скажет.

Были использованы словари Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова.

Опираясь на данный анализ, можем выделить следующие семы слова *божба*: клясться именем бога, говорить «ей-богу» клятва.

Обет

1. «Обещание, обязательство, налагаемое на себя из религиозных побуждений. Зарок, обещание (устар.)» [Ушаков, 1996].
2. «Торжественное обещание, обязательство» [Ожегов, 1964].
3. «1. Клятвенное обещание совершить какой-либо богоугодный поступок после просительной о чём-либо молитвы» [Ефремова, 2000].
4. « 2. Монашеское отречение от ориентации на свою волю (обет послушания), от материального мира (обет нестяжания) и от жизни в браке (обет безбрачия)» [Ефремова, 2000].
5. «обет клятва, обещание, присяга, зарок; схима, обязательство, посулы, слово, целибат» [Словарь синонимов русского языка, 2011].

Примеры употребления слова *обет*.

Дать, произнести обет. Нарушить обет. Обет молчания. Монашеский обет. Нерушимый обет. «Уже хотел во цвете лет изречь монашеский обет» Лермонтов. «Я не давал обета безбрачия» Островский. «Давши обет сохранять мир, нарушает его» Жуковский.

Примеры выписаны из словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой.

Опираясь на данный анализ, можем выделить следующие семы слова *обет*: обещание, обязательство.

Присяга

1. «*Торжественное обещание* соблюдать *верность*, поступать правильно, по закону» [Ушаков, 1996].
2. «*Официальное и торжественное обещание*» [Ожегов, 1964].
3. «1. *Официальное и торжественное обещание, клятва* соблюдать *верность*, какие-либо обязательства» [Ефремова, 2000].
4. «2. Слова такого *обещания*» [Ефремова, 2000].
5. «зарок, *клятва*, обет, *обещание*» [Словарь синонимов русского языка, 2011].

Примеры употребления слова *присяга*:

«Свои полки привел ему к присяге.» Пушкин. Говорить под присягой. Красная присяга. Военная присяга. Привести к присяге. Принять присягу. Взять присягу. Давать присягу. Подтверждать присягой. Приводить к присяге.

Примеры выписаны из словарей Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений, 1999].

Опираясь на данный анализ, можем выделить следующие семы слова *присяга*: клятва, обещание, торжественное, официальное, обещание соблюдать верность.

Слово (в значении «обещание, уверение»)

1. «обет, *обещание*, скрепление истины, ручательство» [Даль, 2004].
2. «9. только ед. *Обещание, уверение*» [Ушаков, 1996].
3. «6. перен. Обязательство выполнить что-либо; *обещание, уверение*» [Ефремова, 2000].

4. «7. перен. Заклинание, обладающее – по суеверным представлениям – магической силой» [Ефремова, 2000].

Примеры употребления слова *слово*:

*На словах и так и сяк, а на деле – никак. Что слово, то и дело. Слово закон: держись за него, как за кол (как за кон). Его слова на воде писать. Его слово не дорогое. На словах, что на санях; а на деле, что на копыле. На словах – как на гусях, а на деле – как на балалайке. Птицу кормом, человека словом обманывают. Не женит отец – ин хоть словом потешит! Он крепок на слово. Я ему на слово не поверю. **Дать** слово. Он связан словом. **Взять** с кого-нибудь слово. Держаться данного слова. Честное слово. **Сдержат** свое слово. «Как, вы хотите, чтоб я теперь от своего слова отступился?» А.Тургенев. «Давши слово, держись, а не давши, обещания, которые они дают.» Сталин. Господин своего слова. Без дальних слов. Верить на слово.*

Примеры взяты из словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, Т.Ф. Ефремовой.

Опираясь на данный анализ, можем выделить следующие семы слова *слово*: обещание, уверение.

На основе словарных дефиниций можно выделить следующие семы. Вразрядку набраны основные семы, курсивом выделены ассоциативные семы, выписанные с опорой на примеры употребления и словарные дефиниции.

Семы слова *клятва*: о б е щ а н и е ; утверждение; уверение; торжественное; нерушимое; *со ссылкой на авторитет или что-то ценное; имеет принадлежность (чья?); кому\чем клянутся; нарушение карается высшими силами (тем, чем поклялся), совестью.*

Семы слова *обещание*: о б я з а т е л ь с т в о ; добровольное обязательство; данное кому-либо; гарантия; *может быть нарушено без серьезных последствий; нарушение карается совестью.*

Семы слова *зарок*: о б е щ а н и е ; клятвенное обещание не делать; заклятие; *нарушение карается высшими силами, совестью.*

Семы слова божба: к л я т в а ; клясться именем бога; говорить «ей-богу»; *нарушение карается Богом.*

Семы слова обет: о б е щ а н и е ; обязательство; *религиозное; нерушимое; богоугодное; книжное; на всю жизнь; нарушение карается Богом.*

Семы слова присяга: о б е щ а н и е ; клятва, торжественное, официальное, обещание соблюдать верность; *нарушение карается совестью.*

Семы слова слово: о б е щ а н и е ; уверение; клятва; *имеет принадлежность (чьё?); подкрепляется честью дающего слово; нарушение карается совестью.*

Анализ показал, что все слова данной группы имеют в своем составе компонент «обещание», что и позволяет объединить их в слова одного семантического поля. Слова отличаются обстоятельствами и сутью данного обещания. Соотношение данных синонимов изображено на рисунке 2.

ОБЕТ

(на всю жизнь, не может быть нарушен; ср.: *аннибалова клятва*)

КЛЯТВА

СЛОВО

Зарок
(клятва не делать)

Божба
(клятва именем Бога)

Присяга
(военная, официальная клятва)

ОБЕЩАНИЕ

Рисунок 2. Схема соотношения синонимов слова «клятва»

Слово *обет* является первым по степени «нерушимости», это соотносится с его сочетаемостью: *монашеский обет, обет молчания, обет воздержания* и пр. *Обещание*, напротив, является наиболее распространенной, бытовой формой обязательства, оно добровольно и не должно быть обязательно исполнено. *Зарок, божба* и *присяга* имеют сему «клятва» и уточнение (не делать; именем Бога; военная), что позволяет выделить их как подвиды клятвы, которые различаются по обстоятельствам и

содержанию. *Слово* также имеет в своем составе сему «клятва», однако она никак не уточнена, что позволяет рассматривать *слово* и *клятву* как понятия, которые находятся «нерушимости», однако различаются тем, что нарушение данного слова карается только совестью, а нарушение клятвы подразумевает еще и наказание свыше, поправление ценного (того, чем поклялся).

Все приведенные слова имеют не только одинаковые семы, на основе которых производится их выделение в отдельную семантическую группу, но и схожую лексическую сочетаемость (*дать, взять, нарушить, сдержать*).

К характерным чертам лексико-семантического поля относятся в первую очередь семантическая общность и единство функций элементов, составляющих его. Оно объединяет множество семем, имеющих хотя бы одну общую сему [Якимов, 2011]. Дифференциальные семы каждого поля образуют оппозиции, позволяющие выстроить иерархию полей. Основными из оппозиций являются включение и дизъюнкция [Потапова, 2012]. Они образуют различные типы семантических структур. Проведенный анализ показал, что все изученные слова имеют в своем составе сему «обещание», что позволяет объединить их в лексическое поле с именем «обещание». Это поле является родовым по отношению к полям «слово», «обет» и «клятва» и находится с ними в отношениях частной оппозиции или строгого включения (см. рисунок 3).

Рисунок 3. Иерархия семантического поля «обещание»

Поле «клятва» в свою очередь включает в себя семантические поля «присяга» (военная клятва на верность), «зарок» (клятва не делать) и божба (клятва именем Бога), в которых реализуются различные условия принесения клятвы. Отсюда можно сделать вывод, что лексико-семантическое поле «клятва» включает три простых поля, имеющих в своем составе дифференциальные семы «на верность», «не делать», «именем Бога», выявленные в результате анализа словарных дефиниций и субстантивных, адъективных и процессуальных смыслов (см. рисунок 4).

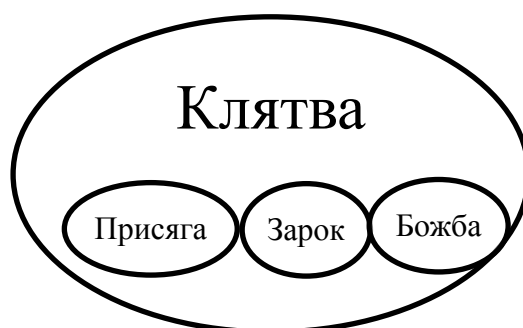

Рисунок 4. Иерархия семантического поля «клятва»

С лексико-семантическим полем «слово» поле «клятва» находится в отношениях нулевой оппозиции, то есть синонимии, различаясь только дифференциальными семами «торжественная», «нерушимая» в составе *клятвы* (см. рисунок 5).

Рисунок 5. Синонимия семантических полей «клятва» и «слово».

2.2. Структура семантического поля *клятва*

Было проанализировано 2824 контекста употребления слова *клятва*, представленных материалами Национального корпуса русского языка. Изучение лексической сочетаемости позволило выявить субстантивные, адъективные и процессуальные смыслы, характеризующие семантическое поле, перевести имплицитные семы в эксплицитное состояние, и сделать выводы о доминирующих аспектах значения.

В структуре семантического поля выделяются ядро и периферия. В семантическом поле «клятва» ядром является архисема *клятва*. Для наиболее полного описания периферии сем, входящих в данное значение предлагается разделить их на группы согласно следующим семантическим признакам:

Рассмотренные синонимы: обещание, утверждение, уверение, слово, зарок, присяга, обет.

- **Качества:** крепость (нерушимая, крепкая, надежная, твердая, железная и др.), святость, наивность (*наивная, детская, милая, робкая* и др.), торжественность (*торжественная, великая, восторженная* и др.), истинность (*ложная, правдивая* и др.), длительность (*вечная, вековая, историческая* и др.), страх (*страшная, ужасная, кровавая, суровая* и др.).
- **Принадлежность:** притяжательные местоимения (*моя, своя, твоя, ваша, их* и др.), именная (*Дарькина, Тимура* и др.), группы лиц (*юношеская, мужская, большевицкая, человеческая* и др.), статусная (*президентская, военная, гиппократова, врачебная, масонская, армейская* и др.).
- **В чем:** в любви, верности.
- **Предмет передачи:** дать к., взять к., брать к., принести к., сохранить к., держать к., принять к., вырвать к., положить к....

- **Высказывание:** произнести к., повторять к., выкрикнуть к., изречь к., говорить к., твердить к., шептать к., объявить к., забормотать к., заявлять к., забормотать к., отвечать к. и др.
- **Текст:** записать к., писать к., переписывать к. и др.
- **Ограниченность (то есть наличие границ, формы):** нарушить к., преступить к.

Анализ лексической сочетаемости позволил перевести из имплицитного состояния в эксплицитные аспекты значения, характеризующие *клятву* согласно приведенным признакам.

Семантическое поле «клятва» не ограничивается данными признаками, например, в данном списке отсутствует его сочетаемость с предлогами, отрицательными, указательными и определительными местоимениями. Вышеперечисленные семантические признаки расположены ближе всего к ядру поля и являются самыми ярко выраженными в лексической сочетаемости.

Таким образом, в периферию лексико-семантического слова *клятва* мы включаем в первую очередь синонимы, понимая их в данном случае не как имена других семантических полей, а как семы. Кроме того, в периферию включаются семы, выражающие адъективные и процессуальные смыслы, которые составить описание вещной коннотации слова *клятва* по методу В.А. Успенского [Успенский, 1997].

Слово *клятва* предстает как крепкий, часто тяжелый, устойчивый к повреждениям предмет, который может напугать или представлять смертельную опасность для того, кто им владеет и часто имеет какое-то особое значение (*торжественная, великая*). Этот предмет всегда кому-то принадлежит, причем им можно владеть и коллективно. Он может быть передан добровольно (*взять, дать, брать*) или насильно (*положить, вырвать*) и должен бережно храниться. Несмотря на крепость *клятвы* при определенных условиях целостность ее границ может быть нарушена, что полностью ее обесценит.

Кроме того, *клятва* может быть выражена в форме текста в устной или письменной форме, что позволяет ей функционировать как жанр (Н.Ш. Галлямова, А.В. Карабыков).

2.3. Диахрония семантического поля клятва

Одним из методов расширения семантического поля является анализ его с точки зрения диахронии, то есть исторического развития. Данный подход обоснован в работах С. В. Кезиной [Кезина, 2004; 2005; 2010]. Он позволяет выявить максимально большое количество значений, а также проследить эволюцию значения и определить закономерности развития слова. Он производится путем изучения сочетаемости слова *клятва* с другими словами: в первую очередь прилагательными и глаголами. В Национальном корпусе русского языка содержится 2824 контекста, в которых употребляется слово *клятва*. По векам употребления распределяются следующим образом:

- XVIII век (1727 – 1799 гг) – 71 контекст, 3%
- XIX век (1800 – 1899 гг) – 459 контекстов, 17%
- XX век (1900 – 1999 гг) – 1660 контекстов, 61%
- XXI век (2000 – 2013 гг) – 535 контекстов, 20%

Схематическое изображение представлено на рисунке 6.

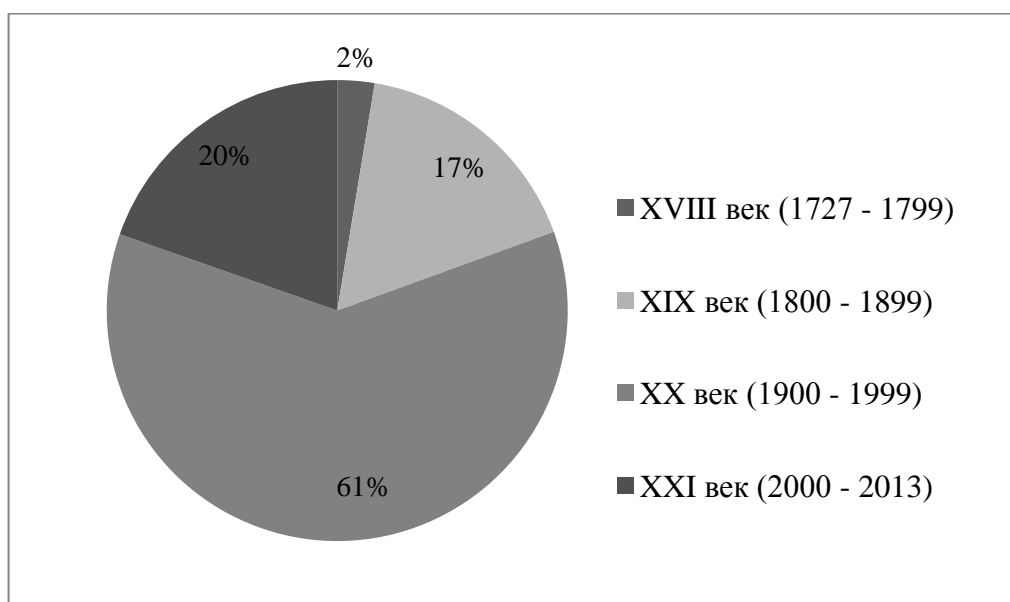

Рисунок 6. Употребление слова «клятва» по временным периодам

В целом такое неравномерное распределение контекстов соотносится с общим процентным распределением материалов по периодам в Национальном корпусе русского языка. XVIII век – 1,7%; XIX век – 19,5%; XX век – 55,7%; XXI век – 23,2%. Это позволяет предположить, что частота употребления слова *клятва* была более или менее неизменной в разные эпохи.

Можно заметить, что более половины употреблений слова *клятва* приходится на двадцатый век. Интересным также кажется тот факт, что на всего лишь 13 годов 21 столетия приходится 20% всех контекстов. Причины такого распределения кроются, вероятно, в большем количестве текстов, принадлежащих этим эпохам. Не удивительно, что с развитием технологий тексты стало легче документировать, и поэтому двадцатый и двадцать первый век представлены наиболее полно.

Рассмотрим состав словоупотреблений подробнее.

2.3.1. XVIII век

Для XVIII века характерно разнообразие слов, сочетающихся со словом *клятвы* при отсутствии ярко выраженной доминанты. На рисунке 6 видно, что самые часто встречающиеся глаголы (дать, нарушить, помнить, говорить, преступить), с которыми сочетается *клятва*, распределены практически равномерно (см. рисунок 7 на стр. 54).

Кроме того, слово *клятва* употребляется со следующими глаголами: *забыть, исполнить, верить, умчать, утешать, шутить, улететь, смягчить*.

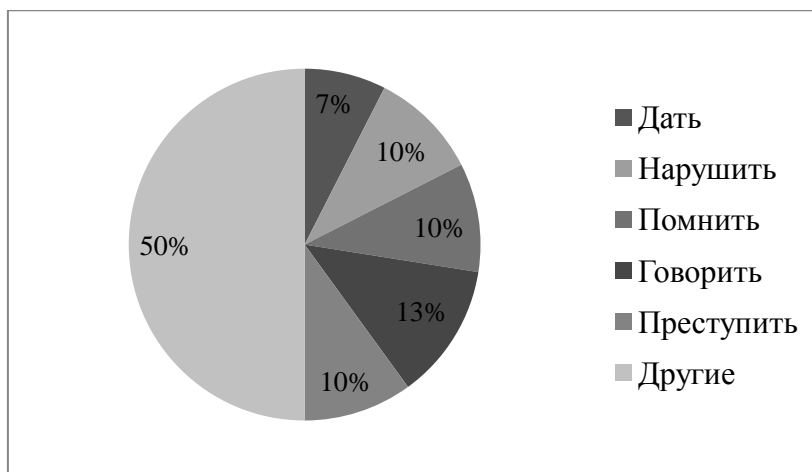

Рисунок 7. Использование глаголов XVIII в.

На материале сочетаемости прилагательных выделяется доминанта «*святая клятва*» или «*священная клятва*».

Также *клятва* сочетается с прилагательными: *ложная, данная, страшная*. В состав других, реже встречающихся словосочетаний входят: *добрая, суетная, бесконечная, тщетная, торжественная, нежная, родительская, ужасная, взаимная, вечная* (см. рисунок 8).

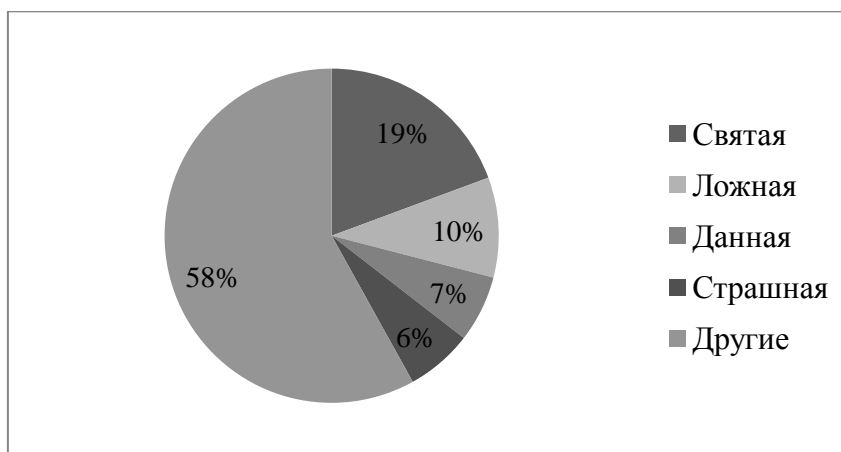

Рисунок 8. Использование прилагательных XVIII в.

2.3.2. XIX век

В текстах XIX века в составе сочетающихся со словом *клятва* глаголов выделяются доминанты: *дать, произнести, взять, преступить, утвердить,*

нарушить, положить, заключить, верить. Среди них особенно часто встречается словосочетание «*дать клятву*» (32%) (см. рисунок 9).

Другие глаголы, с которыми сочетается *клятва*: *пить, терпеть, связать, грозили, сожжет, написать, чтить, грозить, существовать, принять, принуждать.*

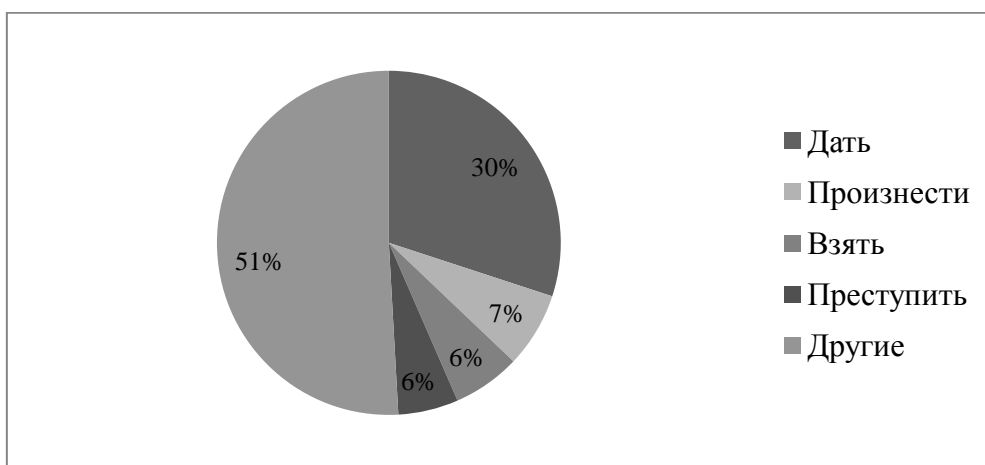

Рисунок 9. Употребление глаголов XIX в.

Среди прилагательных исчезает превалирование словосочетания «*святая клятва*», самым часто встречающимся становится сочетание «*данная клятва*», что можно считать вариантом сочетания «*дать клятву*». Другие же прилагательные встречаются в сочетаниях приблизительно равное количество раз (см. рисунок 10 на стр. 56).

Клятва употребляется с прилагательными: *ужасная, церковная, взаимная, новая, неразрешимая, вечная, невольная, супружеская, брачная, языческая, смертельная, евангельская.*

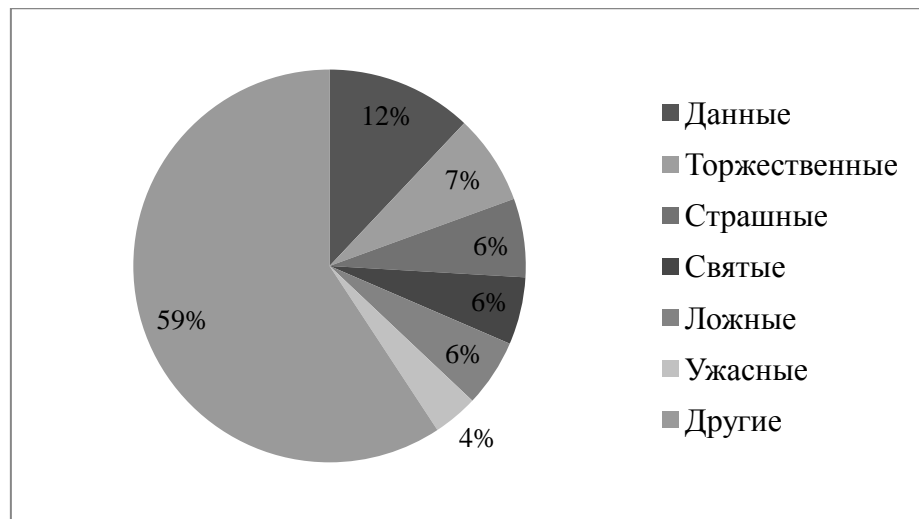

Рисунок 10. Употребление прилагательных XIX в.

2.3.3. XX век

В XX веке сохраняется доминирование сочетания «дать клятву», остальные словосочетания представлены приблизительно равным количеством употреблений: *давать, нарушить, сдержать, брать, принести, произнести, связать, исполнить*. Разнообразие глаголов, с которыми может сочетаться слово *клятва* увеличивается и занимает теперь 50% от общего количества употреблений (см. рисунок 11).

К «другим» относятся такие глаголы, как: *положить, потребовать, напомнить, произнести, звучать, клясться, писать, повторить, принять*.

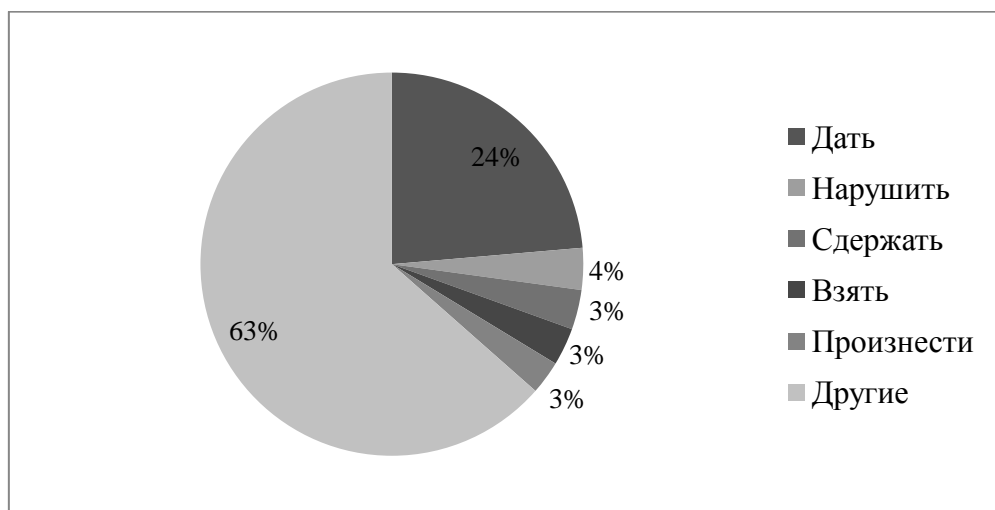

Рисунок 11. Употребление глаголов XX в.

Картина употребления прилагательных также изменяется. Сохраняется общий принцип более или менее равномерного сочетания *клятвы* с определенными словами, словосочетание «данная клятва» больше не является основным, но и не исчезает из употребления (см. рисунок 12).

Кроме вышеперечисленных, слово *клятва* употребляется с прилагательными: *Гиппократа, крепкая, нерушимая, никакая, преданная, святая, боевая, кровавая, совместная, бессмысленная*.

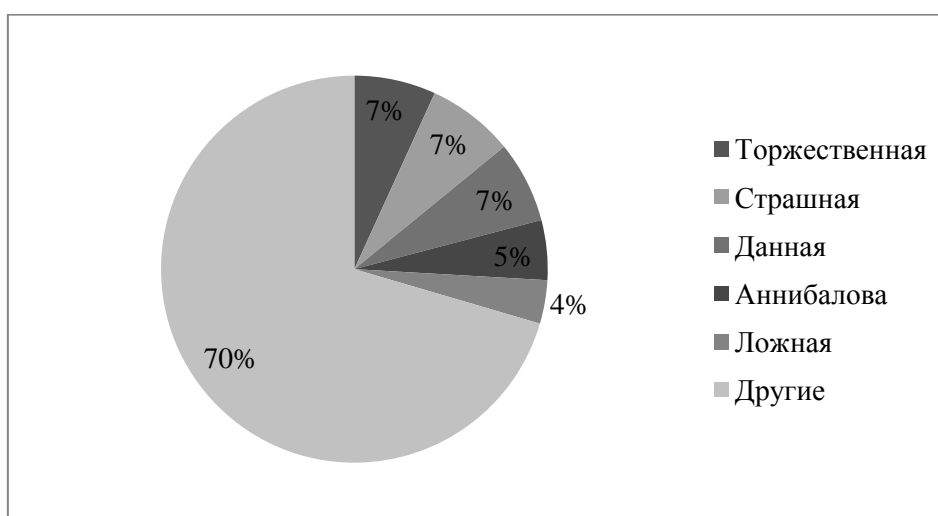

Рисунок 12. Употребление прилагательных XX в.

2.3.4. XXI век

В проанализированной первой четверти двадцатого века выявляются фиксированные доминанты, встречающиеся в большей части как сочетания с глаголами: *дать, произносить, нарушить, приносить, брать, исполнить, держать*. Разнообразные глаголы, употребляющиеся со словом *клятва* один или два раза, теперь занимают всего 27% от общего количества, что еще ни разу не встречалось в других периода (см. рисунок 13 на стр. 58). К этим глаголам относятся: *взять, исполнить, требовать, держать, прозвучать, слышать, вспомнить, исчезнуть, верить*.

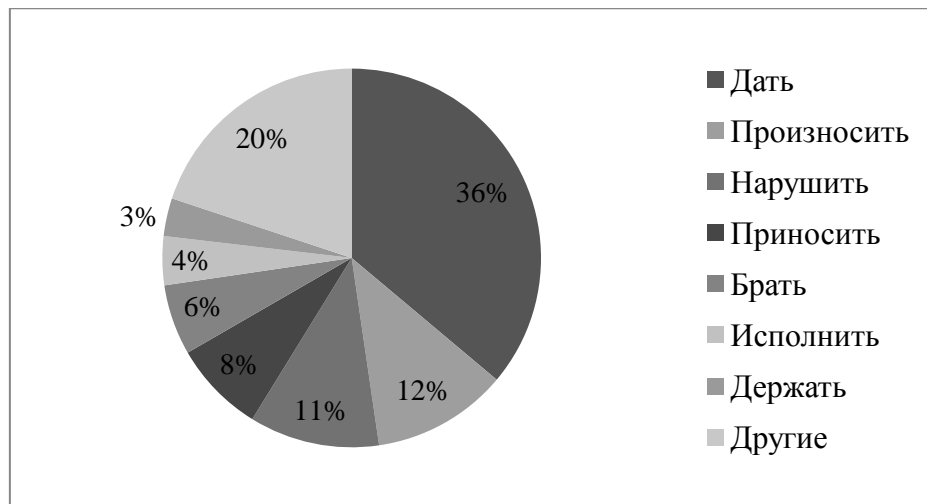

Рисунок 13. Употребление глаголов XXI в.

Похожие процессы можно наблюдать в сочетаемости прилагательных, где также выделяются доминанты, и существенно уменьшается процент разнообразных единиц, сочетающихся со словом *клятва* (23% от общего количества). Абсолютным лидером по частоте употребление становится словосочетание «*клятва Гиппократа*» (вариантом можно прибавить сочетание «*клятва врача*»), так же часто встречаются сочетания с прилагательными *страшная, святая, торжественная* и актуализируется принадлежность *клятвы* (см. рисунок 14).

К другим прилагательным, сочетающимся со словом *клятва* относятся: *президентская, врача, крепкая, нерушимая, взаимная, общая, устная, искренняя, традиционная, олимпийская*.

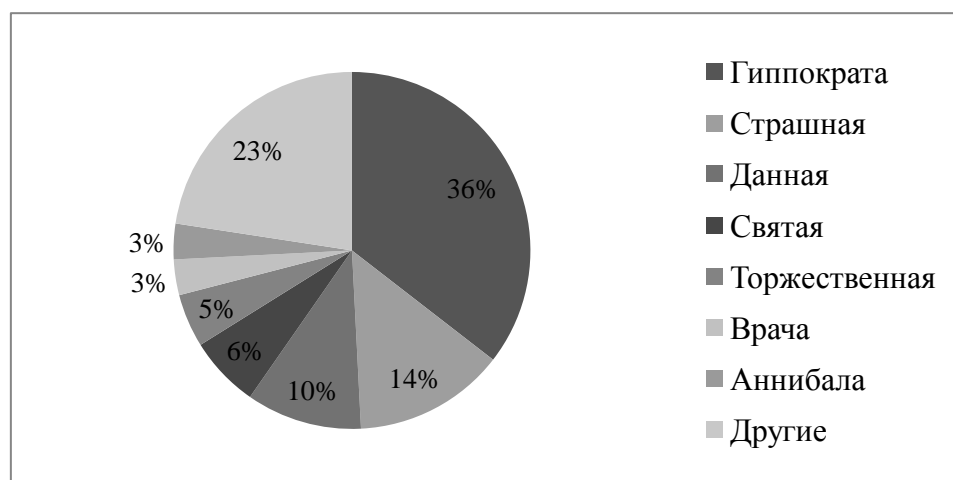

Рисунок 14. Употребление прилагательных XXI в.

В общем смысле в лексической сочетаемости слова *клятва* наблюдаются следующие процессы.

В XVIII веке разнообразие сочетаний представлено несколькими слабо выраженными доминантами и разнообразие вариантов, в целом, невелико. Можно говорить о том, что значение слова *клятва* недифференцировано, широко, что и позволяет ему сочетаться с самыми разными единицами (50% неповторяющихся сочетаний для глаголов).

К XIX веку выделяется яркая доминанта, сочетание «*дать клятву*», остальные же единицы распределены более или менее равномерно, разнообразие вариантов неповторяющихся слов, сочетающихся с *клятвой* незначительно увеличивается (51%).

Тенденция увеличения количества неповторяющихся сочетаний сохраняется и в XX веке (63%). Также сохраняется доминанта «*дать клятву*», количество употреблений которой в несколько раз превышает любые другие сочетания (24%).

Наконец, в XXI веке можно наблюдать резкое уменьшение разнообразия сочетаний и появление нескольких ярко выраженных доминант (20% неповторяющихся сочетаний).

Остановимся подробнее на изменении количества сочетаний с прилагательными. В XVIII веке выделяется доминанта «*святая клятва*» (19%) и разнообразие сочетаний (58% неповторяющихся сочетаний).

В XIX веке «святость» встречается реже (6%), однако выделяется сочетание «*данная клятва*» (12%) и сохраняется разнообразие вариантов (59%).

К XX веку разнообразие сочетаемостей увеличивается (70%), но формулируется несколько стабильных доминант, которые встречаются регулярно.

В XXI же веке разнообразие уменьшается более чем вдвое (23%), большую часть употреблений представляют выраженные доминанты,

например, сочетание «*клятва гиппократа*» занимает 36% от общего количества, а сочетание «*страшная клятва*» - 14%.

Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что с течением времени значение слова *клятва* сужается, становясь все более специализированным. В целом и в сочетаемости прилагательных, и в сочетаемости глаголов ясно виден процесс уменьшения процента разнообразных сочетаний и повторяемости отдельных вариантов, которые, видимо, переходят из текста в текст, тем самым все больше закрепляясь.

Рассмотрим изменения в сочетаемости отдельных слов. На протяжении столетий актуальность сохраняют словосочетания «*дать клятву*», «*данная клятва*» и разные его вариации. Часто эти сочетания являются основными доминантами. Кроме того, сохраняют важность сочетания «*нарушить клятву*» и «*преступить клятву*».

Анализ сочетаемости слова *клятва* с прилагательными показал, что словосочетания «*страшная клятва*» и «*ложная клятва*» остаются актуальными в каждом временном отрезке. К ним в XIX веке добавляется и сохраняется в дальнейшем «*торжественная клятва*». В то же время сочетание «*святая клятва*» постепенно уходит из употребления.

Это позволяет сделать вывод о том, что на протяжении нескольких веков употребление слова *клятва* в первую очередь сосредоточено на процессе ее произнесения, собственно моменте клятвы «*дать клятву*» и ее нарушения, преступления. Эти моменты можно назвать ситуациями, в которых *клятва* приобретает наибольшую значимость и актуальность. Кроме того, сочетаемость выявляет внимание к степени серьезности клятвы «*страшная*» и ее правдивости, тому, насколько можно верить обещанному.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенных семантических анализов позволили сделать выводы о месте слова *клятва* в ряду других семантических полей, внутренней структуре данного поля, а также особенностях его функционирования как ментальной единицы.

Проведенный анализ охватывает лишь небольшую часть семантического поля «клятва», однако уже на данном этапе можно сделать вывод о комплексности и фундаментальности данного понятия. Основываясь на частотности употребления слова *клятва* можно утверждать, что это понятие является важным компонентом языковой картины мира русского человека.

Изучение семантического поля «клятва» показало, что оно является органичной частью иерархии семантической системы языка, будучи видовым понятием по отношению к семантическому полю «обещание» и родовым по отношению к семантическим полям «присяга», «божба», «зарок». Кроме того, семантическое поле «клятва» находится в отношениях нулевой оппозиции с семантическим полем «слово».

Анализ лексической сочетаемости слова *клятва* позволил выделить семантические признаки, характеризующие это слово качества. Сочетаемость с прилагательными: качества (крепость, святость, наивность, торжественность, истинность, длительность, страх); принадлежность (притяжательные местоимения, именные, группы лиц, статусные); клятва в чем (в любви, в верности). Сочетаемость с глаголами: клятва как предмет передачи (*дать к., взять к., класть к.*); клятва как высказывание (*произнести к., повторять к.*); клятва как текст (*написать к., записать к.*); наличие границ, которые можно нарушить (*нарушить к., преступить к.*).

Была описана вещная коннотация слова *клятва* по методу В.А. Успенского. *Клятва* является абстрактным существительным, не соотносящимся с предметом реального мира и обладает вещными

коннотациями. *Клятва* это крепкий, часто тяжелый, устойчивый к повреждениям предмет, который может напугать или представлять смертельную опасность для того, кто им владеет. Часто *клятва* имеет какое-то особое значение (*торжественная, великая*). Этот предмет всегда кому-то принадлежит, причем им можно владеть и коллективно. Он может быть передан добровольно (*взять, дать, брать*) или насильно (положить, вырвать) и должен бережно храниться. Несмотря на крепость *клятвы* при определенных условиях целостность ее границ может быть нарушена, что полностью ее обесценит.

Изучение диахронического аспекта лексической сочетаемости слова *клятва* подтвердило сделанные ранее выводы, что из сакральной сферы оно постепенно переходит в бытовую. Значение данного слова становится все более специализированным, что иллюстрируется уменьшением разнообразия единиц, с которыми оно могло употребляться и формированием устойчивых словосочетаний, которые постепенно становятся единственными словосочетаниями, в составе которых *клятва* функционирует. Однако согласно закону накопления значение общее количество сем, имплицитно входящих в состав семантического поля клятвы увеличивается.

Особый интерес для исследователя представляют ассоциативные семы слова *клятва*, касающиеся таких характеристик, как принадлежность, содержание, важность места произнесения клятвы, ценность того, что подтверждает слово. То, как эти компоненты соотносятся с ритуальными аспектами русской культуры, только предстоит выяснить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Т. 1. 2–е изд. исп. и доп. М.: Языки русской культуры, 1995. 464 с.
2. Апресян Ю.Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2006. С. 15–27.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2–е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
5. Архипова С.В. Компонентный анализ как метод исследования значения слова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XX междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 41–45.
6. Берталанфи Л. фон Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. №7. С. 23–82.
7. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. Т.6. 448 с.
8. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 257 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
10. Босова Л.М. Проблема соотношения семантических и смысловых полей качественных прилагательных. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. 184 с.
11. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван: Луйс, 1968. 128 с.

12. Бурас М., Кронгауз М.А. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. М.: Наука и жизнь, 2011. №8. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/43141/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti (дата обращения: 24.05.2016).
13. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
14. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сборник избранных статей. Уфа: БашГУ, 2006. 520 с.
15. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания, 1971, № 5. С. 105–113.
16. Вежбицкая А. Русский язык // Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.
17. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
18. Влавацкая М.В. Комбинаторная лингвистика в структуре науки о языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2010. Т. 1. № 3. С. 86–94.
19. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985, № 16. С. 79–129.
20. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Изд-во АН СССР, 1971. 543 с.
21. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. С. 78–96.
22. Галлямова Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. 2010. №3 (11). С. 16–32.

23. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
24. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–300.
25. Даль В.И. Пословицы русского народа: в двух томах. Т.1. М.: Худож. лит., 1984. 383 с.
26. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современное написание / В.И. Даль. М.: АСТ-Астрель, 2004. 983 с.
27. Денисенко В.Н. Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира: структурный, функциональный, когнитивный аспекты. дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. М., 2005. 337 с.
28. Задорожнева Е.В. Категория сочетаемости в лингвистической науке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. №2. С. 70–74.
29. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.
30. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. 466 с.
31. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т.1. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
32. Карабыков А.В. Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике. Материалы I Международной научной конференции. Филологический сборник: новые парадигмы и новые решения в лингвистике. Кемерово: ЮНИТИ, 2006. С. 226–231.
33. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
34. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 197. С. 57–68.

35. Караулов Ю.Н. и др. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с.
36. Кезина С.В. Органичное семантическое поле как оптимальная система для семасиологических исследований // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: Материалы 4–ой Всероссийской научной конференции 12–15 мая 2004 г. Пенза: ИЯ РАН, 2004. С. 13–16.
37. Кезина С.В. Расширение семантического объема слова как семасиологическая закономерность // Язык и образование: Материалы III Всероссийской научно–практической конференции (Великий Новгород, 2004 г). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 44–46.
38. Кезина С.В. Семантическое поле как система // Филологические науки. № 4. 2004. С. 79–86.
39. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2005. 314 с.
40. Кезина С.В. Сравнительно–генетическая концепция развития значения: результаты и перспективы исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2010. № 2. С. 93–101.
41. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
42. Кочерган М.П. Лексическая сочетаемость и лексико–семантическая типология // Филологические науки. 1981. № 5. С. 40–49.
43. Кузнецов А.М. Поле // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 380–381.
44. Кузнецова Э.В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // Вопросы металингвистики. М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 84–85.

45. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2006. № 4. С. 173–178.
46. Лавкова И.В. Лексико-семантическое поле «Оказание материальной или вещественной помощи» // Вестник ВУиТ. 2013. № 3 (13). С. 30–36.
47. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева и др. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
48. Литвинова Л.А., Царев Д.Н., Карпова Т.Ю. Проблема выделения доминанты в синонимическом ряду (на материале синонимического ряда слова «village» в английском языке) // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2015. № 1. С. 96-100.
49. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учебник для филологических специальностей вузов. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
50. Митина Е.А. К вопросу о структуре лексико–семантического поля «Смерть» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 12. С. 291–302.
51. Мишанкина Н.А. Базы данных в лингвистических исследованиях // Вопросы лексикографии. Томск: Изд-во ТГУ, 2013. № 1 (3). С. 25–33.
52. Морковкин В.В. Сочетаемость свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов: сборник научных трудов. М.: МГИИЯ им. М. Тореза, 1979. № 145. С. 129–138.
53. Набирухина А.В. Структура лексико–семантического поля pleasure в современном английском языке // Вестник ЛГУ. 1990. №1. С. 69–73.
54. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
55. Никифоров М.В. Присяга (клятва) как правовое явление // Вестник нижегородского университета. 2001. № 1 С. 260–265.

56. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 6-е стереотип. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. 944 с.
57. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 172 с.
58. Потапова О.Е. Лексико-семантическое поле «Море» как фрагмент русской языковой картины мира [Электронный ресурс] // URL: http://spbu.ru/disser/%7Bzashiti_disser___id%7D/avtoref-Potapova.pdf (дата обращения: 14.04. 2017).
59. Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.
60. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. 305 с.
61. Селиверстова О.Н. Некоторые типы семантических гипотез // Труды по семантике. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 57–110.
62. Семантическая общность национальных языковых систем / под ред. З.Д. Попова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. 182 с.
63. Сепир Э. Общие проблемы языка // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 204–297.
64. Сиразиева З.Н. Клятва как речевой жанр в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань: КФУ, 2012. 245 с.
65. Степанов Ю.С. О предпосылках лингвистической теории значения // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1964. №13. С. 66–74.
66. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
67. Стернин И.А., Харитоновна Б. Национально-культурные особенности денотативного компонента значения // Семантическая специфика национально-языковых систем. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. С. 63–73.

68. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки, 2013. 34 с.
69. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 170 с.
70. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. М.: Русские словари, 1999. 431 с.
71. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Русский язык, 2011. 496 с.
72. Словарь-тезаурус синонимов русской речи. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 448 с.
73. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 1968. Т.1. С. 12–44.
74. Уорф Б.Л. Отношение норм мышления и поведения к языку // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях, часть II / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Просвещение, 1965. С. 255–282.
75. Ускова С.В. Семантическая модель совершения поступка в русском языке // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. №3. С. 109–111.
76. Ускова С.В. Концепт «поступок» в русской языковой картине мира: семантико-синтаксический аспект.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 Красноярск, 2012. 168 с.
77. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. № 35. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. С. 146–152.
78. Уфимцева А.А. и др. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация: общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 7–98.
79. Уфимцева А.А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории

- языка в современной зарубежной лингвистике. М.: Изд-во Академии наук, 1961. С. 30–63.
80. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Буколика, 2008. 1247 с.
81. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.3.: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. СПб.: TerraАзбука, 1996. 832 с.
82. Херина А.А. Проблема определения семантического поля // Вестник науки и образования. М.: Проблемы науки, 2015. С. 91–93.
83. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 235 с.
84. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа: Издательство Башкирского университета, 1999. 47 с.
85. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики М.: Либроком, 2008. 280 с.
86. Шмелев Д.Н. Сочетаемость слов в русском языке / Избранные работы по русскому языку. М.: Наука, 2002. С. 83–115.
87. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. Уфа: Наука, 1974. 46 с.
88. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. – 584 с.
89. Языкознание. Большой энциклопедический словарь: под ред. В.Н. Ярцева. 2–е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
90. Якимов П.А. Структура и признаки семантического поля (на материале семантического поля «Бог») // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16 (135). С. 597–599.
91. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия) М.: «Гнозис», 1994. 346 с.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева
« 16 » июня 2017 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «КЛЯТВА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Выпускник

А.Д. Баранчикова

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц.
А.Н. Сперанская

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017